

Андрей Бондаренко
АнтиМетро, Буэнос-Айрес
Серия «АнтиМетро», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=568755

Аннотация

Прошлое гораздо регулярно подбрасывать сложные загадки, шарады и ребусы. Причем загадки, сдобренные и пересыпанные самыми невероятными пересечениями и совпадениями с Настоящим.

Однако шарады и ребусы для того и существуют, чтобы их старательно решать и успешно разгадывать. Тем более, если ты являешься бойцом профильного специального подразделения, созданного как раз для работы с различными навороченными головоломками. С изощренными подземными головоломками – в данном конкретном случае.

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвёртая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Бондаренко

АнтиМетро, Буэнос-Айрес

От автора

Прошлое гораздо – регулярно подбрасывать сложные загадки, шарады и ребусы. Причём, загадки, сдобренные и пересыпанные самыми невероятными пересечениями и совпадениями с Настоящим.

Однако шарады и ребусы для того и существуют, чтобы их старательно решать и успешно разгадывать. Тем более, если ты являешься бойцом профильного специального подразделения, созданного, как раз, для работы с различными навороченными головоломками. С изошрёнными подземными головоломками – в данном конкретном случае.

Впрочем, финал у этой детективной истории будет весьма прозаичным. Хотя, это как посмотреть...

Значит, речь идёт о банальной детективной истории?

Нет, мои дамы и господа. Предлагаемая вашему вниманию книга – это очередная притча о Любви. Всё остальное – вторично...

Автор.

Пролог

Впрочем, оперативно вылететь в далёкий и загадочный Буэнос-Айрес не получилось.

– Такие дела, ребятки, быстро не делаются, – наставительно поучал многоопытный Виталий Палыч. – Это я вам толкую про различные межправительственные соглашения и договора. Сперва клерки и дипломаты всё старательно подготовят и тщательно согласуют, а весной будущего года наш Президент поедет по Южной Америке с чередой официальных визитов, заскочит – между делом – в Аргентину и подпишет интересующую нас бумаженцию. Вот, тогда-то, как говорится, ноги в руки и – форверст! А пока, славные представители службы «АнтиМетро», извольте заниматься текущими плановыми делами. То бишь, любимым отечественным метрополитеном. В том плане, что разлетайтесь – без промедлений, прямо завтра – по российским городам и весям, проводите жёсткие ревизии подземных складов, подробные инструктажи, летучие планёрки, многоуровневые головомойки, ну, и так далее. По списку.... Подполковник Белов!

– Я! – браво откликнулся Артём.

– Изволь напрочь забыть о штатской мягкотелости! Жёстче надо быть с народом, жёстче! Чтобы жизнь спелой малиной не казалась!

– Есть, забыть о мягкотелости! Есть, жёстче!

– Но и перебарщивать, подполковник, не стоит! В том смысле, что попрошу обходиться без пошлого мордобоя, срывания погон перед строем и образцово-показательных расстрелов. Период-то нынче насквозь мирный, о сладких законах военного времени придётся – как это и не печально – позабыть.... Да, орлы и орлицы! Неуклонно и настойчиво совершенствуйте английскую речь. Более того, к маю месяцу и испанский язык должен быть вами освоен в полном объёме. Двоечники и троечники останутся на Родине. На фига нам, спрашивается, позориться перед заграничными коллегами? Вот, то-то же! Станция «Выборгская», генерал Комаровский, доктором Геббельс и прочие гадкие персонажи¹? Извините, товарищи офицеры, но с этими скользкими делами разберутся – до самого конца – уже без вас...

И полетели надоедливые командировки нескончаемой чередой. Сперва они посетили с рабочими визитами Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск, Самару, Екатеринбург и Казань. То есть, те крупные российские города, где метрополитен уже успешно функционировал-работал долгие годы. Потом дошла очередь и до строящихся объектов в Омске, Красноярске и Челябинске. Работа, как работа. В меру интересная, в меру рутинная. Подробно рассказывать о ней, пожалуй, не стоит, потому как – военная тайна, сами должны понимать, чай, не маленькие...

Незаметно отшумела серо-жёлтыми дождями мрачная осень, закончилась снежная и морозная зима, с крыш домов закапала весенняя звонкая капель. Артём и Таня, как раз, прибыли в родной Санкт-Петербург на очередное важное совещание, оставив Хантера и Николенко в Екатеринбурге, где – насквозь ожидаемо – вскрылись факты вопиющего головопятия и разгильдяйства.

– Всё, горячие сердца, собирайтесь в обещанный заграничный вояж! – обрадовал генерал-лейтенант Громов. – Как говорится, походная труба зовёт. Вернее, азартные звуки охотничьих рогов.... Забирайте этот толстый кожаный портфель, знакомьтесь с инструкциями, справками, отчётами и прочими бумажными материалами. А послезавтра – прошу на борт самолёта! Полетите под собственными именами-фамилиями, только по легенде вы будете законопослушными гражданами Израиля. Мол, ещё в раннем школьном возрасте – вместе с

¹ – О событиях, произошедших ранее в метрополитене Санкт-Петербурга, рассказано в романе «АнтиМетро».

родителями – иммигрировали из благословенной России.... Что, подполковник Белов, морщишься? Не нравится, бродяга, быть евреем?

– Да, как-то оно.... Странно и непривычно. Внешность, опять же....

– Забей! – ёмко посоветовал Палыч. – Я, вот, по делам Службы полгода негром был – с накрашенной физиономией, понятное дело. Как видишь, ничего страшного. И жив остался, и очередную медальку получил на грудь молодецкую. Причём, от Белого дома медальку, что характерно. И называется красиво – «Пурпурное сердце». Представляешь, подполковник, эти умники из овального кабинета так и не сообразили – что к чему.... Гы-гы-гы! Ладно, пошутили, и будет. На время вашей зарубежной командировки я возьму под личный и неусыпный контроль всю российскую деятельность «АнтиМетро». Пожелания? Вопросы?

– А как же Хантер и Никоненко? – спросил Артём.

– Они придут в Аргентину через соседнее Чили. Тоже с надёжными еврейскими паспортами, ясен перец. Ну, а вы, уважаемые молодожёны, проследуете в Буэнос-Айрес через уругвайский Монтевидео....

– Зачем же, милый дядюшка, такие избыточные сложности? – удивилась Татьяна. – Это же, сколько времени будет потеряно?

– Затем, что так полагается! – отрезал генерал. – Сеньора Мартина Сервантес настояла на такой процедуре. А эта барышня, поверьте, знает, что делает. Диверсионного опыта у доньи Марты – как у нашего славного ГРУ, вместе взятого.... Кстати, ребята, будьте там поосторожнее. То бишь, не забывайте о бдительности и держите ухо востро. Буэнос-Айрес, как всем хорошо известно, город разнообразных и коварных контрастов. Там иногда такое случается-происходит, что просто диву даёшься и за голову хватаешься ладошками, чтобы крыша не съехала окончательно....

Ночевать они, проигнорировав комфортабельную ведомственную гостиницу, отправились в купчинскую «двушку» Артёма, то есть, в их уже совместную квартиру. Он отправился в душ, а Татьяна, наскоро переодевшись в светлую мужскую рубашку (она постоянно и без всякого зазрения совести эксплуатировала верхнюю одежду мужа), устроилась на продавленном диване – вдумчиво изучать содержимое пухлого кожаного портфеля.

Минут через двенадцать-пятнадцать Артём, предварительно завернувшись в полосатое банное полотенце, вернулся в комнату и, расположившись на стареньком табурете, попросил:

– Изложи-ка, светловолосая красавица, суть дела. Что – конкретно – хочет от нас высокое начальство?

«Дурак ты, братец!», – невежливо оповестил хамоватый внутренний голос. – «Тут такие ноги – офигеть можно запросто, а он, дурилка картонная: – «Изложи-ка суть дела...». Тьфу, да и только! Не понимаю я такого прохладного отношения к выполнению святого супружеского долга. Не понимаю, и всё тут!».

Таня громко хмыкнула и, неопределённо мотнув косичками с тёмно-синими бантами в крупный чёрный горох, принялась охотно излагать:

– Понимаешь, Тёма, всё это отдаёт – за версту – какой-то дешёвой и слегка пошловатой мистикой. Хотя, возможно, я ошибаюсь.... Короче говоря, одиннадцать месяцев тому назад в аргентинской столице начали происходить необычные и странные вещи. Во-первых, бесследно пропало порядка десяти человек – обоих полов и разных национальностей. И местных жителей, и иностранных туристов.... Во-вторых, в пригородах Буэнос-Айреса обнаружили – отдельно друг от друга – пять неопознанных трупов. В-третьих, в метрополитене – на разных станциях и в разное время – непонятно откуда объявилось четверо сумасшедших. В смысле, буйно-помешанных, бросавшихся на других пассажиров.... Не буду утомлять тебя подробностями оперативных разработок славной аргентинской полиции, скажу сразу, что в центре Буэнос-Айреса был вычислен неприметный офис, в котором и базировались неиз-

вестные злоумышленники. Во время скоропалительного штурма означенного офиса произошёл сильный взрыв, погибла целая куча народа. При тщательном осмотре помещения обнаружили секретный коридор, ведущий под землю. Прошли спецназовцы по этому ходу вниз метров двадцать-тридцать – прогремел очередной взрыв... То бишь, сейчас этим путём уже не пройти. Да и вероятность того, что впереди могут находиться новые мощные мины, очень, уж, велика. Одно только установлено однозначно. А, именно, то, что данный подземный коридор (туннель, штрек, штольня?), когда-то давно был связан со столичным метрополитеном...

– Всё ясно, – кисло поморщился Артём. – Мы, соответственно, и должны разгадать эту хитрую подземную шараду. Хорошо, попробуем, не впервой... Есть ещё что-нибудь интересное? То есть, заслуживающее нашего пристального внимания?

– Есть, как не быть! – супруга многозначительно помахала толстой кипой бумажных листов. – Это, уважаемый бывший писатель-фантаст, как раз, по твоему писательскому профилю.

– Что это такое?

– Насколько я понимаю, фантастический роман. Хотя, может, и не фантастический. Называется – «Зеркала Борхеса».

– А, более конкретно?

– Более конкретно..., – задумалась Таня. – Понимаешь, этот текст обнаружили в сейфе уже упомянутых мной злоумышленников, которых, как ты понимаешь, задержать не удалось. Они – ещё до первого взрыва – эвакуировались под землю... Давай-ка, мы сделаем так. Во-первых, ты перестанешь так похотливо и плотоядно пялиться на мои стройные ноги. А, во-вторых, я сейчас прочитаю вслух первую главу, а ты внимательно слушаешь. Потом, как и полагается, обсудим. Договорились? Ну, тогда слушай...

Глава первая Сны и Зеркала

На Пласа Италия шёл мелкий частый дождик, город привычно оцетинился большими чёрными зонтами, пахло затхлыми тропическими болотами, давно нестиранным постельным бельём и неожиданной тревогой.

Круглые уличные часы показывали восемь двадцать вечера, до назначенной встречи оставалось ещё десять минут. Алекс уселся на тёмно-синюю скамейку под пластиковой крышей, распечатал тощую пачку сигарет «Боливар», купленную в киоске аэропорта и, щёлкнув зажигалкой, прикурил. Табак был сырым и явственно отдавал свежими дубовыми опилками.

Дождь неожиданно прекратился. Тут же, словно по мановению волшебной палочки невидимой феи, по круглым лужам заплясали весёлые лучи предзакатного солнца, куда-то мгновенно попрятались многочисленные чёрные зонты.

Алекс затушил окурок и ловким щелчком отправил его в приземистую бетонную урну. Поднявшись с гостеприимной скамьи и пройдя мимо знаменитого бара «Милонга», он подошёл к светло-серому дому, на фасаде которого наблюдалась маленькая белая табличка с тёмно-синей цифрой «8». Дом, как дом – четырёхэтажный, узкий, с одной единственной парадной. Таких строений – в старых кварталах Буэнос-Айреса – большинство.

По узким, слегка выщербленным ступеням серой лестницы он неторопливо поднялся на третий этаж. На солидной двери тёмно-фиолетового дуба была закреплена светло-бежевая картонка с надписью, выполненной на испанском языке с помощью чёрной краски и детской кисточки для рисования: – «Сон – это жанр, заветный сон – тема...».

– Надо же, самого Борхеса переврали, наглцы такие. Заменяли слово «страшный» – на «заветный», – недовольно пробормотал Алекс и уверенно надавил на круглую белую кнопку, чуть-чуть выступавшую из тёмно-зелёной стены.

Через полминуты дверь приоткрылась.

– Сеньор Алекс Пушениг? – вежливо поинтересовалась молоденькая невысокая девочка. – Очень рада визиту! Проходите, вас уже ждут! Если нетрудно, то захлопните, пожалуйста, за собой дверь, – развернулась и неторопливо пошла по длинному коридору, элегантно покачивая узкими бёдрами.

«И, в общем, ничего особенного», – подумал Алекс, небрежно толкая дверь ногой. – «Невысокая, худенькая, колючий платиновый ёжик на голове, белая блузка, ярко-синяя юбка до колен. А сердце, вдруг, забилося учащённо, с ярко-выраженными нотками тревоги... С чего бы это, вдруг? Может, её необычные глаза виноваты в данном случае? Тёмно-зелёные, грустные, пронзительные...».

Коридор привёл их в просторную и светлую комнату: высокий белый потолок с хрустальной люстрой посередине, тёмный керамический пол, стены, обшитые кремовыми панелями непонятного материала. Имеющаяся мебель идеально вписывалась в общую дизайнерскую концепцию помещения: иссиня-чёрный письменный стол, два антикварных кресла и длинный диван бордовой кожи, янтарно-жёлтые стулья с резными спинками и просторные стеллажи, заставленные разнообразными книгами, фолиантами и толстыми картонными папками.

Из-за стола неторопливо поднялся мужчина лет пятидесяти пяти – высокий, слегка сутулый, полноватый, большеголовый, пегие волосы зачёсаны назад, выпуклые водянистые глаза, мерцающие таинственно и загадочно, уголки рта опущены вниз.

«Как у тряпичной итальянской куклы Пьеро», – отметил Алекс, протягивая ладонь для рукопожатия.

– Франсиско Асеведо, Генеральный директор компании «Заветные сны», – вежливо представился большеголовый мужчина и многозначительно посмотрел на зеленоглазую девушку: – Сеньорита Анна, будьте так добры! Организуйте нам с гостем по чашечке кофе...

«Сеньорита!», – облегчённо вздохнул Алекс и, в свою очередь, отрекомендовался:

– Алехандро Пушениг, профессор. Преподаю испано-язычную литературу в Университете города Клагенфурта, Австрия. Отец – наполовину немец, наполовину словенец, мать – чистокровная испанка. Отсюда и «Алехандро», и мой испанский язык.... Друзья и знакомые меня называют – Алексом. Рад оказаться в легендарном Буэнос-Айресе. Замечательно-красивый город, особенно ранней осенью.

– Сразу перейдём к делу?

– Конечно же, уважаемый дон Франсиско. Деньги я перевёл на расчётный счёт «Заветных снов» полторы недели назад. Причём, по самому полному и дорогому варианту. Заявка – по установленной форме – мною заполнена и отправлена на ваш электронный адрес.

– Да, я читал, – неуверенно пробормотал сеньор Асеведо и глубокомысленно замолчал.

Минуты через полторы Алекс, решив прервать затянувшуюся паузу, обеспокоено поинтересовался:

– Что-то не так? Возникли непредвиденные осложнения?

– Нет-нет, всё в полном порядке! Просто...э-э-э, это немного странно. Слишком много знаковых и фатальных совпадений. Впрочем, возможно, всё к лучшему.... Итак. Наша фирма «Заветные сны» предоставляет следующую нестандартную услугу – сны на заказ. Вы задаёте тему. Мы загружаем в эксклюзивную компьютерную программу нужную информацию, которая – по соответствующим каналам – поступает в ваш мозг, пребывающий в состоянии глубокого и спокойного сна. Через некоторое время в вашей голове «рождается» призрачная череда цветных картинок, воспринимаемая сознанием – как самая настоящая реальность...

– Не продолжайте. Я очень внимательно ознакомился с информацией, размещённой на сайте вашей компании.

В комнате появилась сеньорита Анна, поставила на стол серебряный поднос с дымящейся медной туркой, двумя фарфоровыми чашечками, молочником и сахарницей розового стекла. Девушка лукаво блеснула зелёными глазами, развернулась, взметнув подол юбки, и удалилась, гордо вскинув вверх голову с симпатичным платиновым ёжиком.

После десятисекундного молчания сеньор Асеведо смущённо выдохнул:

– Всё дело – в Хорхе Луисе Борхесе...

– Простите?

– Вы же хотите – во сне – попутешествовать именно по его мирам? Вернее, как я понимаю...

– Вернее, я хочу окунуться в мир его нетленных литературных произведений, которые будут загружены в недра вашего чудесного компьютера. Очень, знаете ли, интересно узнать, как искусственный компьютерный разум интерпретирует авторскую философию Мэтра. Мыслителя, который безумно обожал рассуждать о природе сновидений:

А сон, податель пьес неутомимый,
в театре, возведенном в пустоте,
прекрасной плотью облачает тени...

– Впрочем, это не его стихи, а средневекового поэта Гонгоры². Но это не меняет сути дела...

– Придётся, всё-таки, расставить приоритеты.

² – Гонгора-и-Арготе – испанский поэт 16-17в.

– Простите? – непонимающе переспросил Алекс.

– Непревзойдённым Борхесом создано очень много разнообразных литературных произведений. Рассказы, новеллы, эссе, стихи... Надо на чём-то, сделав однозначный акцент, остановиться. Есть основное блюдо, к нему полагается гарнир, специи, десерт... Вам, дон Алехандро, надо выбрать стационарную ось, вокруг которой всё и будет вертеться.

– «Книга вымышленных существ»³.

– Я так и думал! – уголки печальных губ Генерального директора компании неудержимо рванулись вниз, превращая его одутловатую физиономию в маску вселенской скорби. – Этого, впрочем, и следовало ожидать...

Алекс с видимым удовольствием отхлебнул кофе из фарфоровой чашечки и невозмутимо поинтересовался:

– Что вас так огорчило, дон Франсиско?

– Огорчило? Нет, не так. Озаботило, пожалуй. Не более того... Вы же, сеньор Пушениг, надеюсь, в курсе, что великий и мудрый Борхес не считал человеческие сны – просто снами? Вот, и то состояние, которое мы предлагаем клиентам, не является – в прямом и топорном понимании – сном. Между явью и грёзами – граница очень призрачна и туманна...

– «И страшные сны переносят нас в ад в буквальном смысле»⁴?

– Вот, именно! Некоторые люди умирают во сне, другие, беззаботно похрапывая, сходят с ума...

– Третьи, проснувшись, совершают страшные и непоправимые глупости, – насмешливо подхватил Алекс. – Вплоть до пошлых самоубийств... Не волнуйтесь вы так, уважаемый сеньор Асеведо! Я всё прекрасно понимаю и осознаю. Надо подписать соответствующие бумаги, освобождающие фирму «Заветные сны» от юридической ответственности перед Властями? Пожалуйста...

– Что же, соответствующие документы будут подготовлены в течение пятнадцати минут. Не возражаете? Только, вот, дон Алехандро, у меня будет к вам маленькая частная просьба.

– Всё, что хотите!

– Объясните, пожалуйста, зачем вам это надо? Я имею в виду – «Книгу вымышленных существ». Это ведь, э-э-э, очень опасно и чревато серьёзными неприятностями... Все клиенты, которые посещали нашу компанию до вас, интересовались куда более приземлёнными и простыми вещами. Чувственные удовольствия, посещение счастливых страниц собственного Прошлого, путешествия по экзотическим странам нашего обычного мира. Это, как раз, понятно и объяснимо... Но встреча с кровожадными чудищами, мрачными уродами и неприветливыми монстрами? Что это вам даст? Да, вы курите, курите!

Алекс допил кофе, неторопливо раскурил влажную сигарету и, выдохнув едкий дым в потолок, поморщился:

– Знаете, я не смогу толком объяснить причину, толкающую меня на этот безумный эксперимент. Просто – очень хочется знать... Что, конкретно, знать? А, всё! Чем больше, тем лучше...

– Что же, весьма достойный ответ! – впервые за время беседы коротко улыбнулся Франсиско Асеведо. – Сеньору Борхесу он – скорее всего – понравился бы.

Впрочем, улыбка у Генерального директора компании получилась – как и у итальянской куклы Пьеро – бесконечно грустной и печальной...

³ – «Книга вымышленных существ» – известное произведение Х.Л.Борхеса.

⁴ – Строка из эссе Х.Л.Борхеса «Страшный сон».

Вторая комната офиса напоминала – внешним обликом – классический медицинский кабинет. Всё белое-белое – стены, пол, потолок, накрахмаленные простыни, покрывающие просторные лежаки. Только два компьютера и многочисленные тонкие провода, идущие от них, были безысходно чёрными.

– Почему предусмотрено два...рабочих комплекта? – неуверенно спросил Алекс. – Для чего?

Сеньор Асеведо таинственно усмехнулся:

– «Заветные сны» – уважаемая компания, заботящаяся о собственной безупречной репутации. Неужели вы подумали, что мы «отпустим» вас одного в это бесконечно-опасное путешествие? Естественно, что вас будет сопровождать, если так можно выразиться, наш опытный и хорошо подготовленный сотрудник, могущий оказать – в экстренных ситуациях – действенную помощь.

– Я могу познакомиться с ним?

– Не вижу в этом никакого смысла, – откровенно заскучал Франсиско Асеведо. – В мире грёз ваш помощник, всё равно, меняет внешность. Да и ни один раз. То есть, в строгом соответствии с окружающей обстановкой... Вы «переселитесь» в страну «Заветных снов» первым, он – с десятиминутным опозданием.

– Мне необходимо снять одежду?

– Нет, это лишнее. Просто выньте из карманов все бытовые предметы. Сложите их, например, сюда. Всё-всё вынимайте, включая сигареты! В потустороннем мире вам придётся довольствоваться местным табаком. Если, конечно, найдёте...

Алекс послушно выложил на горизонтальную поверхность низкой тумбочки пухлый кожаный бумажник, мобильный телефон, связку ключей на массивном брелке, белоснежный носовой платок, китайскую шариковую ручку, газовую зажигалку и мятую пачку «Боливара». При этом он непроизвольно отметил, что рядом с образовавшимся холмиком вещей располагается высокий стеклянный стакан, наполовину заполненный какой-то прозрачной жидкостью.

– А, вот, данную вещь, дорогой мой дон Алекс, вам придётся взять с собой! – сеньор Асеведо, медленно отводя глаза в сторону, протянул маленький чехольчик чёрного бархата на тонком золоченом шнурке. – Это – так называемые «Зеркала Борхеса». Вернее, так лично я именую данный прибор...

«У дона Франсиско очень плохо со зрением!», – понял Алекс и, ослабив шёлковый шнурок, извлёк из чехла крохотный овальный предмет.

– Вы сказали – «зеркала»? Но, ведь, оно – одно...

– Два, милейший сеньор Пушениг. Конечно же, два! Вы посмотрите повнимательнее.

Непонимающе пожав плечами, Алекс медленно повертел странный предмет перед глазами. Одна сторона овала была обычной – светлой, зеркальной. А другая – тёмной и призрачной.

«В ней отражаются только мои глаза!», – с удивлением осознал он.

Сеньор Асеведо, выждав с минуту, негромко пояснил:

– Если вам наскучит в каком-то конкретном сне, и появится непреодолимое желание – сменить «антураж», то просто посмотритесь в светлую зеркальную поверхность. После этого – через мгновение-другое – окажетесь в следующем сне. Это – в особенности – касается тех случаев, когда вам будет угрожать смертельная опасность...

– Простите?

– Если вам в стране грёз оторвёт, к примеру, руку, то и в реальности – после пробуждения – данная рука онемевает. А потом и отсохнет. Если же вас во сне убьют, то....Сами, наверное, понимаете, что покойники не просыпаются. Вернее, иногда просыпаются, но, к сожалению, крайне редко.... Скажу сразу, что количество «зеркальных» снов может быть

бесконечным. То есть, ваше путешествие может длиться сколь угодно долго. Сугубо по вашему желанию, мой друг. То есть, в соответствии с произведённой оплатой...

– А когда надо смотреться – в тёмную зеркальную сторону? – задумчиво прищурился Алекс.

– В двух случаях. Во-первых, когда вам окончательно наскучили грёзы, и захотелось немедленно вернуться в реальный мир. А, во-вторых, если в одном из сновидений вы получили серьёзное ранение, или же сильную контузию. Поверьте мне на слово, но реальная медицина намного действенней той, потусторонней...

– Что же, пожалуй, поверю.

– Тогда спрячьте Зеркала обратно в чехол, его же, в свою очередь, положите в один из карманов. После этого выпейте содержимое этого стакана, ложитесь на кушетку, примите удобное положение и закрывайте глаза. Я же закреплю на вашей голове – с помощью специальных присосок – необходимые провода и нажму на кнопку запуска. Готовы?

– А что за жидкость находится в стакане?

– Обычное снотворное. Пейте, не сомневайтесь!

Уже засыпая и чувствуя, как к его голове прикасаются прохладные присоски, Алекс задал последний вопрос:

– Дон Франсиско, а что произойдёт, если я случайно потеряю «там» чудодейственные Зеркала Борхеса?

– В этом случае вы навсегда останетесь в стране грёз, – поведал ему глухой, неуклонно отдаляющийся голос. – А ваше брэнное тело – в реальном мире – впадёт в вечную комму.... Ещё. «Посещение» «Книги вымышленных существ» будет происходить в строгом соответствии с текстом великого Борхеса. То есть, в алфавитном порядке.... И, последнее. Находясь «там», вы будете понимать речь всех других персонажей и, соответственно, разговаривать на всех языках....

Отложив кипу бумажных листов в сторону, Таня, задумчиво улыбнувшись, поинтересовалась:

– Ну, как оно тебе?

– А сколько всего глав в этом нестандартном романе? – вопросом на вопрос ответил Артём.

– Больше двадцати, только последняя глава отсутствует. По тексту так и значится, мол: – «Глава последняя. Возвращение». А после этой фразы – лишь девственно-чистая бумага. Вполне возможно, что Алекс Пушениг, который обозначен автором данного опуса, так и не вернулся в Реальность.... Читать вторую главу?

– Не стоит, моя небесная донна! Успеем ещё – приобщиться. Будет, чем заняться в дальней дороге, – усмехнулся Артём. – А сейчас я предлагаю заняться другим, гораздо более важным и приятным делом. Да-да, это именно то, о чём ты и подумала.... Что нас ждёт в далёкой Аргентине? Будут ли там наличествовать подходящие условия – для полноценной интимной жизни? Предлагаю, отработать данный важный аспект, что называется, впрок! Согласна со мной, боевая подруга?

– Конечно же, мой мудрый повелитель! – томно промурлыкала Татьяна. – Ты такой предусмотрительный и дальновидный, это что-то....

Глава вторая

Тени Прошлого, таящие опасность

В Монтевидео они прилетели ранним прохладным утром. Свежий северо-восточный ветерок, зябкая промозглая сырость, тёмно-серые тучи над головой.

– Да, совершенно не такой я представляла себе благословенную Южную Америку! – огорчилась Татьяна. – Впрочем, очевидно, правы были умные школьные учебники географии, утверждавшие, что конец апреля месяца – в южном полушарии – соответствует ранней русской осени... Смотри, Тёма, вокруг – самый настоящий осенний листопад! И листья – прямо-таки, как и у нас – все разноцветные! Только в Уругвае почему-то преобладают тёмно-бурые и светло-лимонные оттенки.

– Да, самая настоящая осень, – согласился Артём, после чего, «сделав» серьёзное лицо, объявил: – Всё, родное сердечко, переходим на испанский язык! И не стоит больше упоминать в разговоре про родимую Россию. Мы же с тобой – по легенде, разработанной мудрым руководством – являемся гражданами Израиля. Так что, можем, если посетит приступ внезапной ностальгии, немного поболтать о красотах и достопримечательностях незабываемого Тель-Авива, такого милого – для еврейского махрового сердца... Не смотри, пожалуйста, так сердито. Обыкновенная шутка – с лёгким армейским налётом...

В соответствии с полученными инструкциями, они поселились в шикарном отеле «Монсеррат», расположенном на улице Рио Бранко. Оказавшись в просторном и светлом номере, вернее, в двухкомнатных апартаментах с самой настоящей кухней, Таня поделилась первыми ощущениями-впечатлениями:

– Этой гостинице, наверное, ужасно много лет. Может, даже больше ста... Кругом сплошной антиквариат: тёмная массивная мебель, на стенах – в солидных позолоченных рамах – висят картины, покрытые сетью трещинок, изогнутые медные ручки на дверях... А посмотри на начинку ванной комнаты! Никогда не видела таких необычных умывальников, унитазов и ванн! Из чего они, интересно, сделаны?

– Скорее всего, из мельхиора. То есть, из специального сплава, содержащего мельхиор, – предположил Артём. – Встреча с... человеком сеньоры Мартины запланирована на вечер. Может, прогуляемся немного по Монтевидео? Осмотримся, поглазем на здания и сооружения?

– И, обязательно, надо посетить одёжные и обувные магазины! – оживилась жена. – Дядюшка Виталик строго велел – незамедлительно одеться по местной южно-американской моде, чтобы, понятное дело, не выделяться на общем фоне...

Монтевидео особого впечатления на них не произвёл.

– Совершенно ничего необычного! – часа через три с половиной объявила Татьяна. – Разномастная и бестолковая архитектура – без какого-либо однозначного акцента. Узкие улочки, отнюдь не блестящие идеальной чистотой. Такие незатейливые пейзажи, включая шайки хулиганистых и вороватых подростков, запросто можно встретить и на юге...э-э-э, одной большой европейской страны. А тутошние женщины – на мой сугубо консервативный взгляд – все какие-то чопорные из себя, с избыточно-яркой косметикой на смуглых лицах... Впрочем, четыре вещи мне здесь, определённо, понравились.

– Какие? – мягко улыбнулся Артём.

– Во-первых, знаменитый пляж Плайя-Капуро. Такой прекрасный песочек! Белоснежный, меленький. Волны симпатичные и ласковые... Жаль, что купальный сезон в Монтевидео уже завершился. Впрочем, я, всё равно, искупалась бы – плюс шестнадцать-семнадцать градусов – абсолютно комфортная и купальная погода. Но, как говорится, в нашем случае не

стоит привлекать к себе излишнего внимания со стороны праздных зевак... Кстати, дорогой, мне во время прогулки по Плайя-Капуро показалось, что ты слегка напрягся. Что-то случилось?

– Спиной почувствовал колючий и неприятный взгляд, – признался Артём. – Профессиональный такой взгляд, изучающий. Может, просто показалось... Ты продолжай, амазонка, продолжай!

– Во-вторых, здесь отличные уличные скрипачи. Просто – невероятные! Моцарт, Вивальди, Лист, Паганини. Такого чистого исполнения и в европейских концертных залах не часто услышишь... В-третьих, мне очень понравились сосиски, запечённые в тесте. Я точно такие же пробовала в далёком-далёком детстве, в...

– В Тель-Авиве, – ехидно подсказал Артём.

– Ну, да, конечно... В-четвёртых, отличный грушевый и сливовый лимонад в картонных стаканчиках. Кажется, в одной очень далёкой стране его называют смешным словечком – «ситро»... Ну, отважный идальго, заглянем в здешние промтоварные магазины? Почему я не вижу восторга и радости на твоём мужественном лице?

Выбор гардеробов был сделан исходя из увиденного – за время короткой ознакомительной прогулки – на улицах Монтевидео.

На долю Артёма достались два легкомысленных – на его взгляд – костюма («Специального курортного фасона!», – со знанием дела пояснила супруга), один светло-песочного цвета, другой – тёмно-салатного, несколько рубашек и узких галстуков в цвет к ним, парочка широкополых шляп и бежевые остроносые туфли.

– Будешь у меня настоящим латиноамериканским кабальеро! – горячо заверила Таня. – То есть, классическим пижоном и записным модником... Эх, ещё бы приобрести – для полного комплекта – стильную тросточку! Ничего, завтра поищем. Кстати, тебе не помешает и чёрный кожаный плащ до пят, а к нему так и просится – белый шёлковый шарф...

Себе же она приобрела: три цветастых платья без рукавов, парочку длинных жакетов, тёмно-синюю юбку до колен, белую блузку, украшенную пышными кружевами, две дамские элегантные шляпки и пять пар обуви – на все случаи жизни.

– Теперь придётся покупать и парочку дополнительных чемоданов, – печально вздохнул Артём.

– Ещё нам надо зайти в магазин, где продаётся броская бижутерия и местная яркая косметика, – сообщила супруга. – Ты, надеюсь, заметил, что уругвайские молоденькие барышни обожают – сверх всякой меры – и то, и другое? А ещё мне нужен приличный фен и электрические щипцы для завивки волос.

– Зачем – щипцы?

– Затем, что с косичками и бантиками в Уругвае, как выяснилось, никто не ходит. Обрати внимание, как на меня глазают встречные прохожие. А дядя Виталик строго велел – не выделяться из толпы...

Вечером, к условленному часу, они собрались посетить ресторан при отеле, где и была запланирована встреча с посланцем сеньоры Марты Сервантес. Артём облачился в тёмно-салатный курортный костюм. Таня же оделась совсем незаметно и обыденно – по местным понятиям: ярко-пёстрое короткое платье, бордовый жакет, отороченный белоснежным мехом альпаки⁵, крохотная шляпка, украшенная длинным пером серой цапли, и светло-кремовые туфли на высоченном каблуке. Естественно, что всё это великолепие сопровождалось пышной причёской, вызывающе-яркой косметикой и целым морем не менее яркой бижутерии.

⁵ – Альпака – дикая безрогая южно-американская коза с очень длинной и пышной шерстью.

– Как я тебе? – кокетливо вертясь перед зеркалом, невинно поинтересовалась жена. – Нравлюсь?

– Знаешь, если бы ты мне встретилась – в таком виде – в...одной далёкой северной стране, то я даже близко не подошёл бы. Принял бы – чёрт знает за кого. А, вот, сейчас...

– Да, что – сейчас, милый?

– Сейчас мне очень хочется послать все важные и неотложные дела – очень далеко и надолго, да и запереться с тобой, экзотическая красотка, в гостиничном номере до самого утра.

– Я, право, польщена и тронута, – загадочно улыбнулась Татьяна. – Услышать такое – от собственного мужа – дорогого стоит.... Только, вот, страстный и необузданный идальго, придётся на время отложить ваши эротические мечты. На короткое время, надеюсь.... Ну, пойдём уже? Не хорошо это – заставлять ждать незнакомых тебе людей. Впрочем, как и знакомых.... Да, и вообще, я уже, честно говоря, проголодалась – с самого утра во рту не было маковой росинки, не считаю четырёх сосисок в тесте....

В просторном зале ресторана – по осеннему времени года – было прохладно, примерно половина столиков пустовала. Тихонько потрескивали длинные свечи в серебряных канделябрах, в дальнем углу помещения седой тапёр наигрывал что-то приятно-ненавязчивое.

– Прошу вас, уважаемые сеньор и сеньора! – вышколенный метрдотель средних лет («Хлыщ прилизанный!»), – сходу определил внутренний голос Артёма), проводил их к заранее заказанному столику. – Сейчас я принесу вам меню. Надеюсь, что вам понравится в нашем скромном заведении....

– Не утруждайтесь, любезный! – прервал метрдотеля Артём. – Мы с женой – на первый раз – обойдёмся без меню. Принесите для начала две бутылки хорошего и выдержанного вина – одну красного, вторую, соответственно, белого, а также лёгкие закуски на ваше усмотрение. Минут через сорок-пятьдесят подайте нам по порции асадо⁶. Про кофе, десерт и ликёры мы с вами потом поговорим, отдельно.... Вполне возможно, что скоро за наш столик присядет гость, он сделает заказ самостоятельно. Бокалы же для него можете принести сразу....

– Простите, сеньор, но какое асадо вы предпочитаете? – предупредительно уточнил прилизанный хлыщ. – Уругвайское, аргентинское, парагвайское? Или же «а-ля гаучо»? С кровью? Или средней прожарки?

– Подайте то самое, которое пользуется в вашем уважаемом и почтенном заведении наибольшей популярностью, – надменно улыбнулась Татьяна. – Да, и принесите мне, пожалуйста, рюмку виноградной граппы⁷.

– Какая ещё граппа? – шёпотом возмутился Артём, когда метрдотель отошёл от их столика. – Что это нашло на тебя, непредсказуемая донна?

– Ничего и не нашло. Не придумывай, – также тихо ответила Таня. – Просто я много раз читала – в любовных романах знаменитых южноамериканских писателей – про эту граппу. Мол, напиток Богов и всё такое прочее. Вот, и захотелось попробовать.... А что, не имею права?

– Имеешь, имеешь, – рассеянно ответил Артём, демонстративно хлопывая ладонями карманы пиджака. – Пробуй, конечно же, своенравная сеньора....

Он непроизвольно напрягся, ощутив спиной – в очередной раз – чей-то внимательный и недобрый взгляд.

⁶ – Асадо – мясное блюдо, широко распространённое в странах Южной Америки.

⁷ – Граппа – виноградная водка.

«Не нравится мне всё это!», – заявил мнительный внутренний голос. – «Ещё и до места назначения не добрались, а уже, похоже, образовалась слежка. Чего, спрашивается, ждать в дальнейшем?».

Артём достал из мятой пачки сигарету, ещё пару раз картинно хлопнул по карманам, мол, нечаянно забыл зажигалку в номере, после чего поднялся на ноги, обойдя стол, нагнулся над серебряным подсвечником и, бросив быстрый взгляд в зал, прикурил.

«Тут сходу и не понять, кто конкретно следит за нами», – сообщил сбитый с толка внутренний голос. – «Имеется четыре – как минимум – потенциальных кандидата на должность подлого шпика. Трое природных латиносов и один классический европеец. Именно он, если вдуматься, и является самым подозрительным... Уже в годах, совершенно седая шевелюра, широкоскулая физиономия украшена кривым бордовым шрамом. Скорее всего, скандинав. Хотя, запросто может оказаться немцем, ирландцем или бельгийцем...».

Только он уселся на прежнее место, как появился шустрый молоденький официант с элегантным подносом в руках и, почтительно поклонившись, водрузил на стол большую рюмку тёмно-синего стекла и блюдечко с маринованными оливками.

– Граппа для сеньоры! – торжественно пояснил официант, после чего, вежливо кивнув головой, удалился.

– Таня! – позвал Артём. – Принесли твою фруктовую водку. Пахнет от неё, кстати, обычной неочищенной самогонкой... Эй, да что с тобой?

Похоже, что жене было не до граппы, она очень внимательно, слегка приоткрыв нежные карминные губы, изучала два больших прямоугольных портрета, висевшие на стене – метрах в трёх с половиной – напротив их столика.

«На одном – изображена очень красивая женщина-шатенка средних лет, сидящая верхом на злом вороном коне, – сообщил внутренний голос, немного разбиравшийся в изобразительном искусстве. – Одета всадница – как заправский ковбой из голливудского вестерна прошлого века, и, судя по характерному разрезу глаз, в числе её родственников числятся и местные индейцы. Глаза, кстати, очень волевые, смелые и решительные... На втором портрете, естественно, присутствует мужчина. Бородатый такой, с загорелым до черноты лицом и весёлыми голубыми глазами. Определённо, в его облике присутствует что-то знакомое...».

Артём, осторожно тронув жену за плечо, беззаботно спросил:

– Дорогая, чем тебя так заинтересовали эти портреты? На мой взгляд, в них нет – ровным счётом – ничего странного и необычного. На одном художник изобразил симпатичную индианку-гаучо, а на другом, похоже, Эрнеста Хемингуэя.

– Если бы – индианку и Хемингуэя, – удивлённо покрутив головой, вздохнула Татьяна – Это, Тёма, совсем другие личности. Кардинально и противоположно – другие...».

К их столику подошли два черноволосых официанта с подносами в руках и принялись расставлять на узорчатой скатерти разноцветные бокалы, серебряные столовые приборы, пузатые бутылки с вином, блюдечки и тарелочки с разнообразными закусками.

– Извините, кабальерос, – Таня правой рукой величественно указала на портреты, висящие на стене. – Не подскажите ли, как зовут этих симпатичных сеньора и сеньору?

– Это супруги Алекс и Мария Сервантесы, – без промедления откликнулся один из официантов. – Люди весьма известные и в Уругвае, и в Аргентине. Герои многочисленных рассказов, баек, легенд и даже баллад.

– Значит, я не ошиблась! Это мои дальние родственники! – расплываясь в широченной улыбке, не удержалась от хвастовства тщеславная Татьяна. – Кажется, троюродные прапрадедушка и прапрабабушка.

– Поздравляю вас, дорогая сеньора! И вас, уважаемый сеньор! – подключился к разговору второй официант. – Ваш визит – большая честь для нашего скромного заведения!

Разрешите, я наполню вином бокалы! Хозяин отеля, сеньор Пауль Дорадо, тоже будет очень рад, польщён и счастлив...

Когда официанты, наконец-таки, ушли, Артём, хмуро посмотрев на жену, негромко спросил:

– И как прикажешь это понимать, милая моя половинка? Весёлые шутки изволим шутить?

– Я что-то не то сделала? – забеспокоилась Таня. – Умудрилась где-то напортачить?

– Пока ещё не знаю, – честно признался Артём. – Итак, откуда тебе известны люди с портретов?

– Я видела их фотографии в толстом фамильном альбоме сеньоры Марты Сервантес. Когда она последний раз приезжала к нам в Санкт-Петербург, то привозила альбом с собой. Дядюшка Виталик попросил. Алекс и Мария – это отец и мать доньи Мартины...

«Странные, однако, совпадения!», – заявил подозрительный внутренний голос. – «Ничем немотивированная слежка, эти ресторанные портреты, так их растак. Будь, братец, начеку...».

Артём непроизвольно посмотрел направо, но за нужным столиком седовласого господина с приметным шрамом уже не обнаружилось.

– Добрый день, уважаемые израильские туристы! Какая погода нынче в прекрасном Тель-Авиве? Наверное, имеет место быть страшная жара, сопровождаемая противной духотой? – приветливо поинтересовался глубокий баритон. – Надеюсь, я смогу составить вам дружескую компанию? Готов рассказать все уругвайские официальные новости, свежие и в меру «солёные» анекдоты, а также последние пикантные сплетни из повседневной жизни наших министров и политиков...

Рядом с их столиком остановился низенький безобидный толстячок, на правом лацкане пиджака которого располагались два значка-пароля – с мини-портретами Диего Марадоны и Эвиты Перрон.

«Хорошо придумано! – одобрил внутренний голос. – «В Уругвае значки с изображениями национальных аргентинских героев увидишь не часто. Тем более, в таком сочетании...».

– Присаживайтесь, идадьго! Только предлагаю сделать заказ самостоятельно, мы не рискнули выбирать за вас, – условной фразой ответил Артём. – Впрочем, вот, ваш бокал с белым вином, разнообразные холодные закуски, оливки, орешки, сладости... Угощайтесь!

«А глаза-то у связного – очень, уж, тревожные», – отметил наблюдательный внутренний голос. – «Насторожённые, внимательные и слегка испуганные...».

– Предлагаю выпить за нашу долгожданную встречу! За ваши первые шаги по гостеприимной уругвайской земле! – провозгласил толстячок заздравный тост, явно работая на возможных любопытных зрителей. – Милая сеньора, остановитесь! Вы собираетесь выпить рюмку граппы?

– Ну, в общем, да, – смущённо улыбнувшись, подтвердила Татьяна. – Давно мечтала попробовать. А что в этом такого, сеньор..., м-м-м?

– Домингес. Диего Домингес. Всегда к вашим услугам! Видите ли, уважаемая донна, но местная граппа – очень резкий и крепкий напиток. Даже взрослые мужчины предпочитают запивать её. Ну, хотя бы, холодным кофе...

– Ничего страшного, любезный дон Диего. У нас в... Израиле девушки очень крепкие и выносливые, – невозмутимо заверила собеседника Таня, браво выщедила граппу до последней капли и, чуть поморщившись, с видимым удовольствием зажевала маринованной оливкой.

Толстяк, неодобрительно и брезгливо передёрнув плечами, пригубил красного вина из высокого бокала, после чего тут же посветлел взглядом, улыбнулся и радостно известил:

– Отличное аргентинское вино, господа и дамы! Голову даю на отсечение, что оно произведено в юго-западной провинции Мендоса, которую принято называть «землёй солнца и хорошего вина». Очень занятное и приветливое местечко доложу я вам! Вот, кстати, про жителей этой заштатной аргентинской провинции ходит – по всей Южной Америке – парочка «солёных» анекдотов, – понизил голос до шёпота: – Сеньор Артём, у вас слегка встревоженный вид. Заметили что-то странное?

– Обычную слезку, не более того.

– У меня тоже имеются нехорошие предчувствия, – помрачнев, сообщил Домингес. – В соответствии с полученными начальственными инструкциями будем переходить на запасной вариант... Так, а теперь громко и весело смейтесь. Ещё громче... А, вот, ещё есть одна пикантная и завлекательная история! – объявил громким голосом и снова перешёл на шёпот: – В этом голубом конверте находятся два билета на теплоход «Симон Боливар», отплывающий завтра в полдень до Буэнос-Айреса. Идите – минуты через три-четыре – к хозяину гостиницы и рассчитайтесь с ним по двойному тарифу. Потом попросите, чтобы завтра с самого раннего утра все ваши вещи доставили на борт означенного корабля, мол, сегодня вы заночуете у здешних друзей. А второй конверт пусть посыльный – вместе с вещами – вручит капитану «Симона». Я потом всё объясню подробно... Ещё одно. Пусть хозяин гостиницы вызовет – минут через сорок-пятьдесят – для вас такси. Смейтесь, пожалуйста. Громче смейтесь... Ага, вот, и асадо несут! Очень, знаете ли, кстати...

Уругвайское асадо смотрелось очень аппетитно и многообещающе – плоские светло-коричневые куски говядины, покрытые тонкими «мраморными» прожилками и аппетитной луковой корочкой. Впрочем, толком распробовать знаменитое мясное блюдо у Артёма не получилось. Только он нарезал ароматное мясо на мелкие кусочки, как почувствовал лёгкий удар – ребром ботинка толстяка – по голени.

«Фига тебе в нос, торопыга жирный и невоспитанный!», – возмутился внутренний голос, считавший себя истинным гурманом. – «С места не тронемся, пока не разжуём пару ломтиков!».

– Итак, несколько слов об аргентинской провинции Мендоса, – нравоучительно вещал дон Диего, ловко управляясь с асадо и неодобрительно посматривая на Артёма. – Представьте себе сплошные виноградники, простирающиеся до самого горизонта, где с каждой ветки свисают виноградные гроздья, усыпанные рубиновыми и фиолетовыми ягодами величиной со зрелый грецкий орех... Представили? Это она и есть, Мендоса... Данная провинция лежит в тени горных хребтов Анд и здесь выпадает мало осадков. Однако на восточных склонах гор расположены величественные ледники, которые – при сезонном таянии – сполна наполняют тамошние реки чистой водой, так необходимой для орошения гордости этой земли, виноградников... Столица провинции – город с одноимённым названием. Жизнь в Мендосе течёт медленно, скучно, плавно и размеренно. Каждое утро хозяева магазинчиков, баров и частных домов натирают плитку тротуаров до зеркального блеска...

Наконец, Артём, не выдержав испепеляющих взглядов сеньора Домингеса, неохотно поднялся из-за стола и – скучным официальным голосом – сообщил:

– Извините господа и дамы, но вынужден вас оставить! Буквально на пять-десять минут, не более...

– Нагнитесь на минутку, благородный идалго! Я вам шепну пару слов на ухо, – попросил толстяк. – Сейчас я – под самым благовидным и уважительным предлогом – испарюсь. Когда придёт вызванное такси, то вам об этом сообщит метрдотель. Оставьте на столе несколько крупных купюр и выходите на улицу. Стоянка такси находится с правой стороны от входа, но вы, наоборот, идите налево. Мол, глупые приезжие, запутались слегка... Примерно через тридцать пять метров увидите узкий переулок. Сразу же сворачивайте туда и садитесь в тёмно-красный «форд», где я вас и буду ждать... Да, когда выйдете от хозяина

гостиницы, то непременно зайдите в свой номер и заберите все деньги и документы. Всё ясно? Тогда смейтесь, дамы и господа, смейтесь – до потери пульса....

Они сделали всё так, как и просил дон Диего – оказавшись на улице, медленно пошли налево, озадаченно и непонимающе оглядываясь по сторонам.

– Эй, сеньор и сеньора! – прозвучал далёкий властный голос. – Вы ошиблись направлением! Вернитесь!

Из-за припаркованного возле тротуара автомобильного фургона неожиданно вынырнула неясная человеческая фигура, крепко сжимающая в руках какой-то продолговатый предмет. Не дожидаясь активных действий со стороны потенциального противника, Артём ногами – поочерёдно, целясь неизвестному типу в лицо – нанёс два скупых удара, и, увлекая жену в тёмный переулок, скомандовал:

– За мной, любимая! Ага, вижу тёмно-красный «форд» с распахнутыми дверцами...

– Быстрее, господа! Быстрее! – умоляюще попросил с переднего сиденья Домингес. – Поторопитесь, ради Бога! Пока не поздно...

Машина, громко взвизгнув покрывками, резко рванула с места. Послышались звуки нескольких пистолетных выстрелов, о заднее стекло автомобиля что-то глухо стукнуло-шлёпнуло.

– Мальчишки сопливые! – снисходительно хмыкнул дон Диего, ловко крутя баранку. – Стёкла-то у меня бронированные, ясная пампа! Шаромыжники дешёвые, что с них взять.... Кстати, уважаемые еврейские гости, погони можете не опасаться. Мои мальчуганы с лёгкость отсекут наглецов, те и глазом не успеют моргнуть...

– А что, собственно, происходит? – поинтересовался Артём недовольным голосом. – И что это за неизвестные наглецы, могущие устремиться за нами в погоню?

– Мофы, боши, они же фридолины, – последовал совершенно непонятный ответ. – А о происходящем, уважаемый сеньор Белов, вам лучше поинтересоваться у собственной жены.

– Таня?

– Я совершенно ничего не понимаю! – искренне возмутилась Татьяна. – Нет, про мофов, бошей и фридолинов я в курсе. Этими словами в Южной Америке принято называть немецких переселенцев. В смысле, тех, которые объявились здесь после Второй Мировой.... Но о выстрелах и погонях я, честное слово, ничего не знаю.

– Языком надо меньше молоть! – невежливо сообщил Домингес, гневно передёрнув плечами. – Это надо же, объявить во весь голос, что являешься родственницей тех самых Сервантесов! Умом можно тронуться! Цирк бесплатный!

– Хватит кипятиться, дон Диего, – ледяным голосом посоветовал Артём. – И смените, пожалуйста, тон, когда говорите о моей супруге. Иначе, дело может дойти и до дуэли...

– Пощадите меня, Святые Угодники! – взмолился связной доньи Марты. – И этот русский говорит о дуэли! Дело пахнет воем, честное и благородное слово. Получается, что все русские мужчины – записные и отвязанные дуэлянты.... Впрочем, – неожиданно успокоился, – вы, наверное, правы. Пришла пора поговорить более серьёзно.... Но, ведь, тогда получается, что вас перед отъездом в Южную Америку – толком не проинструктировали? Ну, про то, что можно говорить, а чего нельзя даже упоминать – ни в коем случае?

– Про то, что в гостеприимном Уругвае надо тщательно скрывать родственные связи моей супруги с семейством Сервантесов, даже не упоминалось, – заверил Артём. – Ни словом, ни пространством намёком.

– Странно, очень странно..., – удивлённо протянул Домингес. – Хотя, головотяпства везде хватает. Ваши начальники не доглядели, наши не додумали.... Видимо, мне придётся прочитать вам, господа Беловы, краткую историко-просветительскую лекцию. Слушайте.... Считается (естественно, только в определённых кругах, так или иначе связанных со спец-

службами), что именно Мария и Алекс Сервантесы принимали непосредственное участие в ликвидации – в далёком 1955-ом году, в аргентинском городе Мендоса – Мартина Бормана. Да-да, того самого. Уверяют, что и сеньора Мартина, не смотря на тогдашнюю юность, была в деле, да и её муж (тогда ещё жених), Оскар Рамос⁸. Так что, сами, наверно, понимаете....

«Оскар Рамос?», – мысленно удивился Артём. – «Странно! Таня как-то говорила, что супруга сеньоры Мартины звали Денисом...».

– Честно говоря, ситуация – лично мне – понятней не стала, – призналась Татьяна. – Ведь, с тех пор прошло ужасно много лет. Очень много.... Какое всё это имеет отношение – к сегодняшним событиям?

– Прямое, сеньора Татьяна! Самое – прямое! – подумав, Домингес прибавил газу. – Не забывайте, пожалуйста, что вы находитесь в Южной Америке. Это в Европе, да и в современной России ко всем политическим коллизиям относятся несерьёзно, то есть, как к смешным и милым клоунским шуткам. Всякие там политические партии, похожие – по глубинной сути – друг на друга, как капли воды.... Здесь же всё иначе. Коммунисты, социалисты, фашисты, хустисиалисты, правые ультра, военизированные католики, троцкисты.... Для жителей Южной Америки – это не просто слова и дежурные газетные термины. У нас – всё всерьёз и надолго! Серьёзные распри и кровавая вражда имеют, как правило, многолетнюю историю.... Например, и в Уругвае, и в Парагвае, и в Чили, и в благословенной Аргентине до сих пор сохранились многочисленные – полузакрытые и полностью закрытые – немецкие поселения, живущие по старинным принципам и строгим традициям. То есть, в большинстве случаев, по фашистским.... Так что, всегда отыщется несколько тысяч человек, готовых – по первому свистку – отомстить семейству Сервантесов за все былые прегрешения и обиды. Только в Аргентине сделать это совершенно невозможно, правительственная защита и опека – дело, знаете ли, серьёзное.... Но афишировать в Уругвае свои родственные связи с великой и ужасной Мартиной Сервантес-Рамос? Это, извините, уже верх глупого безрассудства и легкомысленной бравады....

– За соседним столиком ужинал важный и седовласый господин с ярко-багровым шрамом на лице, – сообщил Артём. – Возможно, что и немец по национальности.

– Я заметил этого приметного господина, нечаянно столкнувшись с ним в дверях ресторана – ехидно хмыкнул дон Диего. – Я заходил, он – в тот же самый момент – покидал почтенное заведение.... Это, видите ли, Ганс Шлиппенберг – по прозвищу Барракуда, вождь уругвайских идейных фашистов. Он является дальним родственником...э-э-э, нескольких известных персон, занимавших в гитлеровском Рейхе не самые последние должности.... Чёрт бы побрал все эти гадкие и парадоксальные случайности! Порой из-за них приходится менять все планы – самым кардинальным и решительным образом....

«Случайности?!», – мысленно возмутился Артём. – «Ну-ну, сказочник хренов! Ведь, сама сеньора Марта и настояла на прохождении нашего маршрута через Монтевидео. Да и отель «Монсеррат», где на стене красуются злополучные портреты, был рекомендован именно ею. Похоже, что нас впутывают – по дороге к основному объекту – в локальную и насквозь непонятную «боковую» игру.... Впрочем, пусть впутывают. Наше дело – насквозь солдатское....».

Уже поздней ночью, вволю попетляв по городским улочкам и переулкам, дон Диего привёз их к неприметной хижине, расположенной где-то на самой окраине Монтевидео, и сообщил:

– Сегодня переночевать вам, друзья, придётся здесь. Особого комфорта не обещаю, но имеется холодная вода, биотуалет, холодильник с едой и напитками, почти новая двуспальная кровать. Утром я вас заберу и отвезу в местный торговый порт – поплывём в

⁸ – Упомянутым событиям посвящён роман «Серебряный бумеранг».

Буэнос-Айрес на надёжном и безопасном судне. Во время предстоящего плавания мы и оговорим... э-э-э, разнообразные моменты, особенности и детали... Кстати, а в каких магазинах вы сегодня приобретали одежду и обувь? Ага, понял, спасибо. Мне, безусловно, пригодится эта важная информация... Ну, спокойной ночи, амигос!

Странные и непонятные события прошедшего дня они – по обоюдному согласию – решили не обсуждать. Мол, зачем тратить время на разгадку всяких глупостей, которые, всё равно, прояснятся только с течением времени?

После непритязательного, но сытного ужина, во время которого была распита бутылочка отличного вина, Артём, достав из внутреннего кармана пиджака мятую кипу бумажных листов, предложил:

– Может, уругвайская красавица, прочтёшь вслух вторую главу романа «Зеркала Борхеса»?

– Только вторую? – хитро улыбнувшись, уточнила Татьяна.

– Ага! У нас, ведь, уже сложилась прочная традиция – совместное прочтение главы «Зеркал», после чего – непременно – приходит ночь жаркой и безумной любви. Тем более что твой, дорогая, сегодняшний внешний вид располагает к данному мероприятию – более чем. Это я говорю, естественно, про безумную ночь страстной и разнузданной южноамериканской любви... Читай, любимая!

– Слушай, мой полновластный повелитель! Только, прошу, не надо смущать скромную и почти непорочную девушку – такими призывными и нетерпеливыми взглядами. И убери, пожалуйста, горячую ладонь с её трепетного колена...

Глава третья Ахерон⁹ и Амфисбена¹⁰

Ладный трёхмачтовый фрегат, подгоняемый попутным восточным ветром, уверенно шёл по неизвестному проливу, ширина которого не превышала три четверти мили. Судя по расположению на небе жёлтого солнечного диска, совсем недавно миновал полдень.

«Ага, подняты только нижние паруса на двух передних мачтах, топселя убраны, а грот и стакселя взяты на риф», – непроизвольно отметил Алекс, с удивлением осознав, что прекрасно разбирается в искусстве судовождения парусных кораблей. – «И это, безусловно, правильно! Плавание под парусами узкими и извилистыми проливами – дело скользкое и насквозь опасное. В любой момент может ударить коварный боковой шквал. Тогда, только держись, запросто можно врезаться в отвесные и крутые береговые скалы, до которых – рукой подать.... Ещё было бы неплохо узнать – своё тутошнее имя и общественный статус...».

Он, стараясь не привлекать к себе нездорового внимания, осмотрел собственную одежду. Неуклюжие сапоги тёмно-коричневой кожи, замшевые панталоны до колен, тёмно-фиолетовый камзол, украшенный квадратными керамическими пуговицами и светло-жёлтыми кружевами на рукавах. За широким кожаным поясом обнаружился громоздкий неуклюжий пистолет. На левом боку – в деревянных ножнах, украшенных круглыми серебряными заклёпками – висела длинная дворянская шпага с кованым вычурным эфесом.

«Определённо, я попал в легендарные Средние века», – предположил Алекс и восхитился про себя: – «Смотри-ка ты, сколько у меня на пальцах золотых перстней, оснащённых различными самоцветами! Рубины, сапфиры, изумруды.... А что это такое болтается в правом ухе? Ага, тяжёлая, явно золотая, серьга! Волосы какие-то чрезмерно длинные и слегка сальные. Однако.... Эх, посмотреться бы в зеркало! Интересно, а что у меня нынче с физиономией?».

Нащупав ладонью во внутреннем кармане камзола заветный бархатный чехольчик, он облегчённо вздохнул и тут же решил, что время для этого заветного зеркала ещё не наступило. Надо было поискать другое, обычное.

Примерно в ста пятидесяти метрах от борта фрегата тянулись бесконечные низкие берега, густо покрытые невысокими хвойными деревьями и пыльным кустарником.

– Сеньор командор! – долетел до него чей-то смутно-знакомый голос. – Пройдите, пожалуйста, на капитанский мостик!

«Это же португальский язык!», – уверенно определил Алекс и тут же вспомнил всё...

Он звался – Алехандро Кабрал. Тридцать четыре года от роду. Уроженец португальского городка Синиша. Командор торговой португальской эскадры, идущей под гордыми королевскими знамёнами.

– Следуем из родимого Синиша в японскую Иокогаму, – тихонько пробормотал Алекс. – Туда везём европейские товары: креплёное и сухое вино, арбалеты, холстину, восковые свечи, дорожные кареты (в разобранном состоянии), пшеничную и ржаную муку. В Японии же загрузимся всякими восточными редкостями: шёлком, пряностями в ассортименте, экзотическим холодным оружием, чайной травой, стойкими красками.... Сейчас суда эскадры проходят Магеллановым проливом. До выхода в Тихий океан остаётся миль сто два-

⁹ – Ахерон – мифическое чудовище, воплощение Ада. По одной из версий – наказанный титан. В древности существовало поверье, что Ахерона можно встретить недалеко (относительно) от Южного полюса.

¹⁰ – Амфисбена – мифическая двухголовая змея, вторая голова которой располагается на месте хвоста.

дцать – с небольшим хвостиком. Фрегат, на котором я нахожусь, называется «Святая Анна». Анна... Кроме него в состав торгового каравана входит ещё один многопушечный фрегат и три пузатых купеческих брига. А на дворе нынче стоит 1635-ый год...

– Сеньор командор! – продолжал упорно надрываться визгливый голосок. – Я вас жду! Это очень-очень срочно...

«Штурман Сантьяго Альварес», – опознал Алекс неприятный голос. – «До чего же беспокойная, суетливая и мнительная личность! Знать, опять ударился в пошлую панику...».

Стараясь шагать (ступать?) неторопливо и важно, как и полагается полномочному командору серьёзной эскадры, он по короткой скрипучей лесенке поднялся на капитанский мостик. Вернее, на квадратный помост, огороженный низенькими перилами. Возле штурвала дисциплинированно застыл матрос Данни – широкоплечий верзила с откормленной физиономией, украшенной длинным и извилистым, тёмно-багровым шрамом. В двух метрах от штурвала, возле перил, обнаружился тщедушный пожилой человек, крепко сжимающий в морщинистых ладошках длинную подзорную трубу. В южной стороне, куда и были направлены окуляры бельгийского оптического прибора, хорошо просматривались – и невооружённым глазом – два столба чёрно-серого дыма, поднимавшихся над далёкими, тёмно-синими горами.

– Что случилось на этот раз, штурман? – нарочито небрежно поинтересовался Алекс. – Узрели очередную смертельную опасность? Приближается ужасная грозовая туча?

– В-з-з-гляните с-с-сами, дон Ал-л-лехандро! – отчаянно заикаясь, предложил Альварес, протягивая подзорную трубу.

– Что же, и посмотрю! А ты, сеньор паникующий штурман, хлебни-ка ямайского рома – для укрепления расшатанных нервов. Так тебя и растак, да с двойным перехлёстом...

Картинка, открывшаяся взору, была величественной и, одновременно, угрожающей. На высоких горных пиках, расположенных рядом друг с другом, горели два ярко-розовых «глаза» действующих вулканов. По их крутым чёрным склонам величественно стекали малиновые потоки расплавленной лавы. Тёмная и широкая седловина перевала, соединяющего пики между собой в единое целое, напоминала гигантский, нагло улыбающийся рот.

«На фоне низких лохматых туч, неподвижно висящих на юге, да если подключить фантазию, то – сама собой – напрашивается однозначная ассоциация: огромный великан, безудержно и горько плачущий огненными слезами...», – подумал Алекс. – «Вот так, наверно, и рождаются самые невероятные легенды и мифы, призванные пугать – до острых желудочных колик – доверчивых и наивных обывателей...».

Рядом послышалось бодрое бульканье, аромат отборного ямайского рома приятно зашекотал ноздри. Ещё через семь-десять секунд хриплый голос Альвареса – без малейших следов заикания – сообщил:

– Именно так мне его и описывал один благородный ирландский дворянин, заслуживающий доверия.

– Кого – описывал? – Алекс неохотно оторвался от оптического прибора и с любопытством уставился на штурмана.

– Да, Ахерона! Провинившегося слугу Господа нашего! Прикованного – за неизвестные ужасные прегрешение – толстенными чугунными цепями к земной твердыни...

– Расскажи-ка, любезный! Давай, давай, не стесняйся! Рассказывай, рохля худосочная, иначе засвечу в глаз!

Штурман, торопливо заткнув горлышко кожаной фляги грубой деревянной пробкой, заговорил – с откровенно испуганными и паническими нотками в голосе:

– Ахерон, он ростом будет – с высоченную гору. Его круглые глаза пылают нестерпимым огнём. Пасть так огромна, что может поедать закаменелых грешников – тысячами. Десятками тысяч... Иногда Ахерон, когда очень голоден, начинает оглушительно рычать и

страшно ругаться. И тогда земля трясётся, как осиновый лист – на холодном осеннем ветру. Огромные валуны скатываются по склонам гор, разрушая города и безжалостно давя их несчастных жителей. Извилистые и бездонные трещины ползут – везде и всюду. Небесные птицы умирают на лету, камнями падая вниз. Рыбы всплывают – кверху брюхом – на озёрных и речных водах. А сами реки текут вспять...

Словно бы подтверждая слова Альвареса, с юга прилетел низкий громовой раскат, деревянный корпус «Святой Анны» ощутимо дрогнул и покачнулся. Впечатлительный штурман тут же повалился на колени и, воздев к небу сложенные вместе ладони, принялся неразборчиво молиться.

Алекс неодобрительно и сердито посмотрел на рулевого.

– Это я случайно, – принялся оправдываться здоровяк Данни, смущённо пожимая широченными плечами. – Оно так неожиданно загремело, что рука – сама по себе – дёрнулась на штурвальном колесе.... Рука, клянусь! Извините, сеньор командор! Больше такого не повторится.... Кстати, ветер-то стихает. Как бы, не установился полный штиль.

Посмотрев на паруса, повисшие, словно рваные тряпки на деревенском заборе, Алекс, слегка пнув носком сапога Альваресу под копчик, строго велел:

– Давай, трусливый пройдоха, рассказывай! Что ещё знаешь про этого страшного Ахерона?

– Да я уже почти всё и рассказал! – истово заверил штурман, торопливо поднимаясь на ноги. – Демоны ещё всякие появляются...

– Ну, что там – за демоны?

– Живут они в чреве Ахерона.... А тёмными беззвёздными ночами вылезают наружу. Шастают по округе. Похищают глупые и заблудшие души.... Ещё разные чудеса происходят в тех местах, где обитает Ахерон...

– Чудеса?

– Ну, всякие и разные события, которые не случаются в обычном мире, в обычное время...

– По южному берегу наблюдаю городские развалины! – прокричал из марсовой бочки вперёдсмотрящий матрос.

– Согласно моей карте, здесь должно располагаться старинное испанское поселение Сан-Филипп, – дрожащим голосом сообщил штурман. – Очевидно, проклятые индейцы постарались.... Впрочем, какое нам дело до наглых и жадных испанцев? Ровным счётом – никакого! Чем больше их погибнет, тем нам, португальцам, будет легче и проще жить...

Алекс, задумчиво погладив пальцами массивную серьгу в правом ухе, приказал Альваресу:

– Отставить – всякие глупости! Готовиться к внеплановой стоянке! Видишь, ветер почти стих? Так что, не зевай, увалень.... Встаём на якоря под южным берегом, напротив этих загадочных развалин. Командуй здесь, паникёр. А я, пожалуй, ненадолго спущусь к себе в каюту...

В каюте властвовала жёлто-серая затхлость, нестерпимо пахло грязным бельём и очень плохим коньяком.

– Семнадцатый век, как-никак, мать его, – успокаивающе сообщил сам себе Алекс, брезгливо разглядывая подозрительные бурые пятна на серой простыне. – Клопы, судя по всему, здесь совсем и не редкость...

На крохотном квадратном столике, рядом с полупустой бутылкой синего стекла, горлышко которой было небрежно закупорено кожаной затычкой, обнаружилось и крохотное зеркальце, искусно вделанное в длинную костяную пластину-рукоятку. Он – с лёгким чув-

ством неуверенности – взял этот предмет туалета в ладонь правой руки и, робко заглянув в мутную зеркальную поверхность, облегчённо выдохнул:

– Что же, могло быть и гораздо хуже! Лицо собственное, что уже просто превосходно.... Длинноватые волосы? Ничего страшного, данная причёска мне, определённо, идёт. Только, вот, эти дурацкие чёрные усы.... Почему они такие длинные? И кончики смотрят вверх как-то очень, уж, залихватски, придавая всей физиономии лёгкий оттенок наглого пижонства.... Придётся, как я понимаю, смириться с этим неаппетитным нюансом. Особенности местной средневековой моды, так сказать...

Слегка заострённый нос корабельной шляпки мягко ткнулся в светло-жёлтый песок низкой косы. Алекс ловко выпрыгнул на пологий берег и отдал приказ, стараясь, чтобы его голос звучал максимально мужественно и властно:

– Гребцам от лодки далеко не отходить! Штурман, возьми с собой троих вооружённых солдат и тщательно осмотри окрестности! Встреченных туземцев – без отдельного приказа – не обижать! – подумав секунд пять-шесть, добавил. – За мной никому не ходить! Я здесь самостоятельно прогуляюсь, без провожатых...

Альварес – в сопровождении трёх высоких оборванцев, вооружённых допотопными неуклюжими пищалями – двинулся, постоянно оглядываясь по сторонам, перпендикулярно к береговой кромке. Алекс же уверенно зашагал на запад, вдоль каменистого берега Магелланова пролива, благо развалины неизвестного городка были длинными и тянулись по обе стороны от места стоянки корабельной шляпки.

Он неторопливо шёл, изредка старательно обходя большие прибрежные валуны, и размышлял про себя: – «Что же, на Ахерона я, кажется, уже вволю полюбовался. Что там на очереди? Если привязываться к тексту великого Борхеса, то, естественно, Амфисбена.... Эта такая гигантская двухголовая змея. Если её ножом (мечом, саблей, мачете?), безжалостно рассечь на две части, то они потом – обязательно – срastутся. Даже, если их закопать в землю в разных местах, расположенных за много километров друг от друга. Следовательно, надо внимательно смотреть себе под ноги, чтобы случайно не наступить на гадину.... Развалины старинного испанского поселения? Обычные развалины – остатки каменно-кирпичной кладки, высокие кучи разнообразного строительного мусора, обгоревшие стропила крыш.... А пожар, похоже, давний. Горело месяцев шесть-девять тому назад....»

Приятно запахло мирным дымком. Обогнув очередной обломок чёрного базальта, Алекс обнаружил и источник дыма – в восьмидесяти метрах от него на берегу горел небольшой, но очень яркий костёр, рядом с которым наблюдались две человеческие фигуры.

«Судя по одежде, это местные жители», – предположил Алекс. – «Подойти и слегка пообщаться? Или вернуться назад, к корабельной шляпке? Я же могу говорить на самых разных языках нашей планеты! Грех не воспользоваться таким удобным обстоятельством...».

Непроизвольно погладив кованый эфес шпаги, он двинулся вперёд.

На толстом чёрном брёвне – по правую сторону от костра – сидел, невозмутимо покуривая короткую тёмно-коричневую трубку, пожилой индеец. Широкоплечий, носатый, морщинистый и краснолицый, с абсолютно седыми волосами до плеч, туго перехваченными красным матерчатым ремешком. Одет же абориген был совершенно обычно и непритязательно. Именно так – по представлениям Алекса – и должны были одеваться южноамериканские туземцы: широкий длиннополый плащ, умело сшитый из светло-кремовых, искусно-выделанных шкур неизвестного животного, из-под которого высывались грязные босые ступни.

На появление незнакомого бледнолицего человека старик никак не отреагировал – всё также сидел на чёрном бревне и, с удовольствием выпуская изо рта клубы ароматного табачного дыма, непроницаемо вглядывался в тёмно-синие воды Магелланова пролива.

Слева от костра стояла, небрежно опираясь на кривую палку-посох, женщина неопределённого возраста – черноволосая, очень худая, облачённая в мешковатый тёмно-рыжий балахон до колен. Вернее, в две звериные шкуры – мехом наружу – наспех скрепленные между собой толстыми кусками сухожилий. Она, в отличие от мужчины, насторожённо повернула голову в сторону, откуда пришёл Алекс. Только это было напрасно – глаза женщины были закрыты двумя чёрными кругами, вырезанными, скорее всего, из выдубленной лошадиной шкуры.

«Наверное, она слепая», – решил он и, вдруг, засомневался: – «Я, конечно же, теоретически владею всеми языками земного мира. Но, спрашивается, на каком из них надо говорить в данном конкретном случае?».

– Мир вашему дому! – произнёс Алекс по-атагонски и, не дождавшись ответа, повторил эту же фразу – поочерёдно – на языках арауканов, техуэльче и чайхи¹¹. После этого он потерянно замолчал, пытаюсь угадать национальную принадлежность молчаливых собеседников.

Через минуту старик ожил, повернул голову и внимательно посмотрел пришельцу в глаза.

«Какое у него грустное лицо!», – подумал Алекс. – «Это, наверное, из-за опущенных вниз уголков губ. Прямо, как у итальянской тряпичной куклы Пьеро...».

– Приветствую тебя, храбрый и решительный командор Кабрал! – торжественно произнёс туземец на очень чистом и правильном испанском языке. – Извини, что долго не отвечал, хотя достаточно хорошо владею всеми наречиями, на которых говорил ты. Просто, согласишься, что твоя фраза была бесконечно наивна и глупа... «Мир вашему дому?». Какому, скажи, дому? – старик красноречиво махнул рукой в сторону серо-чёрных развалин. – Нет больше у Борха и Айники дома...

– Извини, уважаемый Борх, я ничего не знал о твоём горе, – коротко поклонился Алекс. – Как и когда это произошло?

– Обычно. Пятьдесят Больших солнц тому назад сюда пришли испанцы. Основали крепкий город и нарекли его – Сан-Филипп. Арауканы поселились рядом с испанцами. Арауканы – мирные индейцы, никому не желающие зла. Вместе с испанцами мы разводили коров, лошадей, овец и коз, выращивали пшеницу, горох, бобы, картофель и томаты... Половину Большого солнца назад с севера пожаловали подлые техуэльче, многие тысячи. Схватка была изначально неравной. Все горожане погибли. Только Борх и Айника остались в живых. Она моя единственная дочь, потеряла глаза во время страшного пожара...

– Техуэльче пришли, когда из высоких гор полился «жидкий огонь»? Когда проснулся ужасный Ахерон? Ведь, горы, плюющиеся смертельным огнём, и есть – Ахерон?

– Глупости говоришь, пришлый идальго! – нахмурился старик. – Ахерон, это не гора, да и не великан, прикованный толстой чугунной цепью к земной твердыне. Это просто – такое особенное место.

– Место, где происходят всякие невероятные чудеса?

– Нет. Просто место, где высокий Небесный мир иногда может, никуда не торопясь, общаться с низменным Земным миром. Где подлое и кровожадное Зло – зачастую – нечаянно переплетается с благородным и светлым Добром... Хочешь покурить, командор Кабрал? – заметив утвердительный кивок Алекса, туземец достал из-под широкого плаща ещё одну трубку, заранее набитую табаком, и любезно протянул собеседнику.

Алекс, вытащив из костра горящую сосновую ветку, прикурил, глубоко затянулся, с удовольствием выдохнул ароматный дым в голубые небеса и с благодарностью сообщил:

¹¹ – Патагонцы, арауканы, техуэльче, чайхи – народности, населяющие берега Магелланова пролива.

– Очень хороший и духовитый табак, уважаемый и мудрый Борх! – после чего поинтересовался: – Откуда, старик, ты узнал моё имя?

– Айника сказала. Она – после того, как потеряла в пожаре зрение – научилась многое видеть и слышать на расстоянии...

«А, ведь, Айника гораздо моложе, чем я подумал вначале», – решил Алекс, внимательно присматриваясь к женщине. – «Ей, скорее всего, и двадцати лет ещё не исполнилось. Просто очень худенькая, лицо – измождённое и скорбное. А фигурка – очень даже ничего, ноги длинные и стройные...».

Когда курительные трубки погасли, Борх спросил:

– Что ты, любопытный и беспокойный командор, хочешь увидеть в наших скучных краях? Про Ахерона я уже понял. Отведу тебя в это необычное место, если, конечно, захочешь. Может, ещё чем-то интересуешься?

– Пожалуй, Амфисбеной. Эта такая огромная змея...

– Змея?

– Ну, да, змея! – уверенно подтвердил Алекс. – Длинная такая гадина, толстая, с двумя головами... Разве, нет?

– Это, кабальеро, как посмотреть. Если поверхностно, то, пожалуй, что и змея. Если же внимательно, то и нет...

– Заковыристыми загадками балуешься, уважаемый арауканец?

– Хочешь познать истинную суть Ахерона и Амфисбены? – вопросом на вопрос ответил старик. – Вижу, что хочешь... Ладно, всё покажу и расскажу. Времени у нас нынче много. Нужного вам ветра долго не будет. Целых десять Маленьких солнц... Впрочем, начнём прямо сейчас. К чему медлить? Взгляни-ка, командор, на Синие воды!

Алекс посмотрел в указанном направлении. С запада по Магелланову проливу, в тридцати-сорока метрах от берега, неуклонно приближаясь, двигалась маленькая эскадра туземных пирог. Вернее, две длинные и крепкие пироги, заполненные рослыми воинами, уверенно настигали хлипкий чёлн, в котором находились три древние старухи, орудовавшие из последних сил короткими чёрными вёслами.

– Это туземцы из племени чайхи, – невозмутимо сообщил Борх. – Гонятся за своими старухами.

– Зачем – гонятся за старухами?

– Чтобы их съесть, конечно же. Сейчас зима, голод лютует, пришло время никчемных старух...

– Съесть собственных прародительниц? Матерей, бабушек, прабабушек? – опешил Алекс.

– Ну, да! Всё просто, Кабрал. Чайхи – идеальное порождение тёмного Зла. Скотоводством и земледелием они не занимаются. Их любимая охотничья добыча – речные и озёрные выдры, из шкур которых они шьют свои уродливые и бесформенные зимние одежды. А летом, весной и осенью все чайхи ходят вовсе без одежд, даже, бесстыдники такие, не носят набедренных повязок. Они – с самого рождения – никогда не моются, чтобы случайно не спугнуть удачу... Во время голода у чайхи принято кушать старых женщин. Умерщвляют этих несчастных, держа их лица над дымными кострами, в которых тлеют сырые ольховые дрова. Причём, своих собак, то есть, прирученных волков, чайхи съедают только тогда, когда заканчиваются старухи... Почему установлена такая странная и извращённая очередность? И это просто. Собаки, ведь, исправно ловят речных выдр и степных крыс, а старухи – нет... А ты, глупый и добросердечный командор, считал, что имя страшному чудищу – Ахерон...

Понимая, что им уже не уйти от настырных преследователей по воде, пожилые индианки направили утлый чёлн к берегу. Но и это им не помогло. На песчаной косе, примерно в ста метрах от костра Борха, погоня окончательно настигла усталых беглянок. Двенадцать

крепких и рослых воинов плотно окружили несчастных старух и, возбуждённо потрясая короткими копьями, радостно заплясали вокруг них.

«Вот, и всё!», – криво усмехнулся про себя Алекс. – «Сейчас прольётся невинная кровь, а я... Я даже пальцем не шевельну.... Почему? По кочану! По целому комплексу объективных и субъективных причин. Уважительных и железобетонных.... Главным образом из-за того, что всё это – лишь дурацкий сон, тёмный морок, галлюцинация, не несущая никакой смысловой нагрузки. Или же, это я так неуклюже и подло прикрываю собственную трусость?».

Неожиданно кровожадные чайхи прекратили уродливый танец и, воткнув копьё в прибрежный светло-жёлтый песок, склонились в вежливых полупоклонах перед стройной пожилой индианкой, которая была на голову выше двух других.

– Нечасто такое происходит, нечасто..., – удивлённо покачал седой головой Борх. – Вернее, совсем редко. Один раз в семьдесят-девяносто Больших солнц.... А Эйри – молодец! Никогда не думал, что она такая отважная и благородная...

– Кто такая – Эйри? И что же, собственно, происходит – один раз в семьдесят-девяносто лет?

– Эйри – так зовут высокую старуху. Какой же она была красавицей в молодости! Стройная, как тростинка, шея длинная, грудь высокая и упругая.... Даже я частенько засматривался. Но она – чистокровная чайхи, следовательно, тёмное порождение ненасытного Зла. Ладно, дело прошлое.... Эйри добровольно, без многочасовых пыток, согласилась прыгнуть в «кипящий глаз». То есть, в земной провал, откуда выливается «жидкий огонь».... Понимаешь меня?

– Нет! – честно признался Алекс. – Какая разница – умереть от меткого удара копьём под сердце, или же прыгнуть в жерло действующего вулкана?

– Большая, сеньор командор. Я бы сказал – огромная.... Во-первых, добровольный прыжок в «кипящий глаз» – это подарок всемогущим и могущественным Богам. Они теперь, непременно, будут добры ко всему племени. Во-вторых, престарелых подруг Эйри отпустят на все четыре стороны. В-третьих, теперь к её мужу – старику Нору – все чайхи будут относиться с почтением и обеспечат сытую старость. Только, вот, её бессмертная Душа.... Ведь, и у вас, бледнолицых, тем, кто ушёл из жизни по своей воле, то есть, раньше отведённого Небесами срока, полагается Ад? Чайхи тоже истово верят во что-то похожее. Искренне и крепко верят.... Так что, для такого отчаянного поступка необходимо недюжинное мужество. Эйри – отважная женщина!

Две низкорослые старухи торопливо, не оглядываясь, засемили прочь от берега пролива. Эйри, гордо вскинув голову, величественно зашагала – в сопровождении двенадцати воинов – к туземным пирогам.

– Что же дальше? – спросил Алекс.

– Завтра в полдень мы с тобой встретимся на этом же месте. Пойдём к высоким горам с «кипящими глазами». К тем, которые ты, наивный глупец, посчитал Ахероном.... Путь предстоит долгий и трудный, захвати с собой побольше еды, оружие, тёплые вещи и одеяла. Подзорную трубу не забудь. А послезавтра, на раннем рассвете ты, неразумный мальчишка, поймёшь, что же такое – на самом деле – Амфисбена....

Команда «Святой Анны» встретила известие об отбытии командора экспедиции – на несколько суток, в неизвестном направлении и в подозрительной компании – на удивление спокойно. Только штурман Альварес не преминул немного поворчать:

– Всё-то вам неймётся, уважаемый дон Алехандро. Снова жарких приключений ищите на свою благородную задницу.... Не кончится это добром, ей-ей! Помяните моё слово...

– Ладно тебе, старый перец! – незлобиво усмехнулся Алекс. – Ждите меня здесь десять суток. Если не вернусь, то снимайтесь с якорей и плывите дальше. То бишь, до самых Япон-

ских островов... Командором – в этом скорбном случае – станет дон Сантьяго Карлуш, капитан «Святого Сальватора»...

В назначенное время Алекс – с пухлым и тяжелым вещмешком за плечами – отправился к месту встречи. Отойдя метров на сорок-пятьдесят от корабельной шлюпки, он обернулся и, прощально махнув рукой подчинённым, негромко пробормотал:

– Если не вернусь, то, наверняка, на свет Божий родится очередная красивая легенда. Например, о том, как любопытный и отважный командор Кабрал отправился в гости к коварному Ахерону, а тот безжалостно сожрал наивного и доверчивого дона Алехандро, благородно поделившись нежданной добычей с голодной Амфисбеной...

Яркий костерок горел-трепетал на прежнем месте. Кроме Борха и Айники – метрах в двадцати-тридцати от костра – лениво обгладывали мох и лишайники с прибрежных камней четыре ушастых мула.

После короткого обмена дежурными приветствиями, пожилой арауканец одобрительно усмехнулся:

– Смотрю, Кабрал, ты прислушался к моему совету. От души набрал припасов, впрок.

– Только прогорклая говяжья солонина и ржаные сухари, пропитанные оливковым маслом. Корабельный ассортимент, извини, не богат...

– У нас тоже нет ничего особенного, – мягко улыбнувшись, сообщила слепая Айника на арауканском языке. – Вяленое мясо вигони¹², картофель, сушёные бобы и перепелиные яйца.

«Какой у неё необычный голос!», – удивился про себя Алекс. – «Мелодичный и певучий. Нежный и звучный. Никогда не слышал такого...».

Один из мулов – самый высокий в холке и более тёмный по окрасу – был густо увешан крохотными колокольчиками-бубенчиками.

– Колокольчики – для дочери, – пояснил Борх, заметив любопытный взгляд Алекса. – Она будет править своим мулом, ориентируясь на их тоненький звон. Я еду первым – на муле с колокольчиками. За мной следует Айника. Потом мул с поклажей. Ты, дон Алехандро, замыкаешь походную колонну... Направимся на юго-восток. Обойдём – по седловине горного перевала – «кипящие глаза» стороной. Так надо, командор. Долго объяснять. Завтра на рассвете ты всё поймешь сам...

Через четыре часа караван путников свернул в узкую горную долину, склоны которой были покрыты низенькими кустиками южно-американского дурмана. Возле большого красно-белого валуна старый индеец остановил передового мула и невозмутимо объявил:

– Пожалуй, сделаем привал. Длинный и серьёзный. Пообедаем, покурим, поболтаем.

– Может, поищем другое местечко? – подъезжая к приметному камню и брезгливо морща нос, предложил Алекс. – Аромат здесь... э-э-э, необычайно-противный...

– Ты же змеями, кажется, интересовался?

– Верно, интересовался.

– Поэтому мы и остановились в Змеином ущелье. Где растёт дурман, там всегда ползает много змей. Всяких и разных. Больших и маленьких. Ядовитых и безвредных. Смертельно-опасных и полезных...

Змей, действительно, вокруг было много. Чёрные, серебристые и тёмно-коричневые узорчатые тела мелькали и тут, и там. Видя, что его бледнолицый спутник поглядывает по сторонам с ярко-выраженной опаской, Борх мимолётно улынулся – характерной улыбкой итальянской куклы Пьеро. Вытащив из объёмной седельной сумки аккуратный бронзовый топорик, он подошёл к красно-белому камню и несколько раз сильно ударил по нему обухом.

¹² – Вигонь – второе название южноамериканской альпаки.

Низкий и очень тревожный звук вязко и медленно поплыл над горной долиной, незримо дробясь на отдельные, непривычно длинные октавы...

– Сейчас все змеи попрячутся по норам, – уверенно пообещал старик. – Они очень боятся этого звука. Все. Кроме амфисбен.

– Ты хочешь сказать, что...

– Вот, именно. Очень скоро, командор, ты встретишься с желанной амфисбеной... Как же это объяснить, чтобы ты понял? С той амфисбеной, которая пишется с маленькой буквы. С жалким подобием, с призрачной тенью Амфисбены настоящей.

Они сноровисто разожгли дельный костёр. Борх и Алекс занялись приготовлением скромного походного обеда. На первое предполагался наваристый бобовый суп, заправленный картофелем и говяжьей солониной. На второе – ячница из перепелиных яиц с мелко порезанным кусочками окорока вигони.

Айника же, опираясь на палку-посох, ушла вверх по склону долины. Алекс непроизвольно залюбовался её стройной фигуркой.

– Решила собрать немного плодов дурмана, – пояснил старик. – Его тёмно-фиолетовые ягоды, предварительно высушенные и тщательно растёртые в порошок, можно иногда добавлять в табак. Выкуришь трубочку поздним вечером, а потом ночью – если повезёт – сняться очень интересные и увлекательные сны. Яркие такие, красочные, запоминающиеся. Сны о других, незнакомых и призрачных Мирах...

Трапеза уже приближалась к завершению, когда за приметным красно-белым камнем раздалось громкое и размеренное шипенье, крайне неприятное для слуха.

– Вот, и амфисбена пожаловала к нам в гости, – невозмутимо объявил Борх, торопливо поднимаясь на ноги. – Пойдём, посмотрим. Захвати с собой, сеньор командор, большой кусок жирной солонины. А свою шпагу отдай Айнике, она позаботится о нашей безопасности...

Змея откровенно впечатляла – длиной метра четыре с половиной, толстая, как три причальных, вместе сложенных каната, кожа кремово-бежевая, густо-покрытая иссиня-черными узорами. Только, вот, прямоугольная голова, украшенная жёлто-янтарными глазницами, была одна. Хвост же заканчивался странным увесистым наростом, слегка напоминавшим гигантскую сосновую шишку.

Массивная голова гадины угрожающе приподнялась над землёй на добрые полметра. Глаза-фары мерцали недобро и откровенно голодно. Злое и раздражённое шипенье не прекращалось ни на секунду.

– Не подходи к ней близко, – добросердечно посоветовал Борх. – Просто брось перед ней кусок жирной солонины и отойди в сторону.

После того, как змея, жадно давясь, проворно заглотила предложенное угощение, Алекс спросил:

– А где вторая голова, уважаемый Борх? Как же так? Древние легенды всё наврали?

– Подожди немного, торопыга, – туземец в очередной раз изобразил грустную улыбку куклы Пьеро. – Всему, как известно, своё время...

Круглые глаза амфисбены неожиданно потухли и через десять-двенадцать секунд медленно закрылись. Змеиная голова, мелко-мелко подрагивая, сморщилась и... превратилась (трансформировалась?) в некое подобие гигантской сосновой шишки, усеянной разноразмерными чешуйками. Тут же, словно бы по чьей-то, неслышимой для человеческого уха команде, ожила «сосновая шишка» на хвосте холоднокровного существа...

И минуты не прошло, а на Алекса уже пристально и плотоядно смотрели голодные, жёлто-янтарные глаза-фары «новой» головы.

– И так может продолжаться долго, до полной бесконечности. То есть, до безвременной смерти от обжорства... Как только одна из голов насыщается и крепко засыпает, так тут же

просыпается другая, бесконечно-голодная голова, – прокомментировал Борх равнодушным и сонным голосом. – Плохо это, командор Кабрал. И, в первую очередь, для самих амфисбен. И ста Больших солнц не пройдёт, как они навсегда исчезнут из нашего мира, растворяясь в туманной Неизвестности... Только страшные сказки и легенды – про них – останутся...

Змея же вовсе не была расположена к выслушиванию заумных философских сентенций пожилого индейца. Её длинное тело, угрожающе сворачиваясь в широкие кольца, напряглось, явно готовясь к атакующему прыжку. Мерзкая пасть твари широко раскрылась, демонстрируя окружающим острые и длинные зубы.

Алекс непроизвольно отшатнулся в сторону, собираясь беззастенчиво задать стрекоча. – Айника, – негромко позвал Борх. – Пора.

Девушка появилась из-за противоположного выступа скалы уже через десятые доли секунды. Изысканный, быстрый, еле подвластный человеческому глазу пируэт. Второй. Резкий взмах шпагой – только испуганные солнечные зайчики заполошно поскакали в разные стороны...

Две половинки разрубленной амфисбены, подёргавшись с минуту в предсмертной агонии, безвольно замерли.

– Почему же они лежат неподвижно? – Алекс непонимающе вскинул брови вверх. – Почему – не срастаются?

– Жадность непременно приводит к смерти. Всегда, – очень тихо проговорила Айника. – Жадность – смерть. Смерть – жадность. Это, в сущности, одно и то же... Как же разрубленная Жадность может срастись? Сращиваться, значит отдавать. Жадность же может только забирать и отнимать...

– А, настоящая Амфисбена? Если её разрубить?

– Настоящая – срастётся. Всегда. На сколько частей её не разорви...

– Стоит ли тратить драгоценное время на пустые разговоры? – недовольно поморщился Борх. – Пора в дорогу. А она, как известно, не любит пустословия...

Уже на шикарном малиновом закате, вволю попетляв по скалистым плоскогорьям, узким долинам и горным перевалам, они подошли к входу в пещеру.

– Освобождаем мулов от упряжи! – распорядился Борх. – Дочка, принеси им из пещеры сена! – объяснил для Алекса: – Пусть немного погуляют и порезвятся на свободе. Агуаров¹³ здесь нет. А от пещеры, где хранятся запасы вкусного сена, мулы далеко не отойдут. Умные...

Пещера оказалась бесконечно-длинной. Первые двести-триста метров они продвигались в пугающей темноте, только слегка разбавленной крохотным, бледно-жёлтым огоньком свечи, зажатой в узкой ладони Айники. Потом, постепенно, подземное пространство начало заполняться загадочным, призрачно-розовым светом, который – по мере продвижения вперёд – превращался в нежно-алый. Температура окружающего воздуха неуклонно повышалась, горячий пот застилал глаза, нестерпимо хотелось сбросить с себя все одежды...

Алый свет лился из длинной, очень узкой щели в пещерной стене.

«Наверное, это прощальные отсветы заходящего солнца», – мысленно решил Алекс, но тут же сам и отверг эту версию: – «Нет, этого не может быть! Ведь, запад находится в противоположной стороне...».

– Закляни-ка, командор Кабрал, в это отверстие, – посоветовал Борх.

До кратера вулкана было метров триста пятьдесят, не больше.

«Что же, теперь многое становится понятным!», – внутренне усмехнулся Алекс. – «В том числе, и почему здесь так нестерпимо жарко. Можно даже – с большой степенью уве-

¹³ – Агуар – южноамериканский степной волк.

ренности – предположить, что за спектакль нам предстоит наблюдать завтра, на нежном расвете. А также – почему мы зашли к действующему вулкану именно с юга...».

Геометрически жерло вулкана являлось овалом с неровными краями, наклонённым – по отношению к горизонтальной плоскости – с юга на север. То есть, раскалённая булькающая лава – время от времени – переливалась именно через северный край жерла, а южные склоны кратера оставались полностью безопасными для передвижения по ним.

– Ложимся спать! – объявил пожилой туземец. – Только отойдём по пещере на юго-запад. Чтобы не было так жарко...

Ночью Алекс спал – на мягком, хорошо просушенном сене – крепко и спокойно. Снилось ему Айника. Только совсем не слепая, да и звериных шкур на ней не было и в помине... Огромные, чуть задумчивые тёмно-зелёные глаза, длинное бальное платье с открытым декольте, томные звуки старинного вальса...

Утром, примерно за час до рассвета, его разбудил Борх. Показал, подсвечивая факелом, где можно умыться чистой родниковой водой, накормил куском вяленой вигони на морском сухаре, после чего серьёзно спросил:

– Пойдём смотреть на Амфисбену? На ту, которая – настоящая? Не раздумал за ночь?

Алекс, чувствуя рядом горячее дыхание Айники, прикинул глазами к узкой щели в пещерной стене.

Первые, ещё робкие и холодные лучи утреннего солнышка осветили южный склон безымянного вулкана. Тощие спирали молочно-белого тумана загадочно клубились в многочисленных долинах и лощинах. Идеальную горную тишину нарушало только чуть слышное бульканье раскалённой вулканической лавы в котле кратера. То есть, в «кипящем глазе», выражаясь по-атагонски.

– Идут, – едва слышно прошептала Айника, и Алекс почувствовал, как учащённо забило его сердце, а к горлу неожиданно подкатил колючий ледяной комок.

По южному склону вулкана медленно и торжественно поднимались – испуганной молчаливой толпой – чайхи. Человек шестьдесят-семьдесят. Мужчины, женщины, дети, старики. Впереди толпы, демонстрируя всему окружающему миру бесконечно-гордую осанку, шла Эйри. Та самая высокая и костистая старуха, ослепительная красавица – в далёкой и беспечной молодости, ушедшей навсегда...

Не доходя до края кратера порядка ста пятидесяти метров, туземцы нерешительно остановились и, бестолково погалдев три-четыре минуты, замолчали, после чего дружно бухнулись на колени, раболепно воздев к небу сложенные вместе ладони. Эйри, низко поклонившись соплеменникам, развернулась и – короткими шажками – двинулась дальше...

Ощущалось, что каждые два-три пройденных метра давались ей ценой невероятных усилий. Эйри постоянно пригибалась и отворачивалась, старательно прикрывая лицо полой длинного плаща... Но, вот, когда до жерла вулкана оставалось пройти семь-восемь метров, её длинные седые волосы ярко вспыхнули – словно отростки сухого белого мха, превращая за считанные секунды пожилую индианку в ярко-горящий факел.

Эйри, тем не менее, дошагал до заветной кромки кратера. Воздев вверх руки, объятые оранжево-малиновым пламенем, она что-то громко и протяжно прокричала в бездонное утреннее небо – без малейших следов горести и обиды в голосе.

«Очень странно...», – заторможено подумал Алекс. – «Дон Франсиско уверял, что здесь мне подвластны все языки и наречия нашей древней планеты. Но эти слова – абсолютно непонятны и незнакомы...».

Раздался последний, величественный и гордый вскрик. Тело Эйри, со всех сторон охваченное пламенем, навсегда скрылось в кипящей огненной бездне...

После этого – на протяжении пятнадцати-двадцати минут – ровным счётом ничего не менялось: коленапреклонённый туземцы всё также истово молились своим жестокосердным Богам, вулкан всё также булькал – спокойно, размеренно и ненавязчиво....

– А что дальше? – спросил Алекс. – Мы чего-то ждём?

– Ждём, – невозмутимо подтвердила Айника. – Амфисбену.

Вскоре чайхи – мужчины, женщины, дети и пожилые индивидуумы – неловко пятась задом и безостановочно кланяясь, дружно и слаженно двинулись вниз по склону. Все, кроме одного...

Высокий и тщедушный старикан, одетый в короткий плащ, сшитый, судя по характерному блеску, из шкур озёрных выдр, так и остался стоять на коленях, опутив седовласую голову к земле.

– Это Нор, муж Эйри, переселившийся на Небеса, – равнодушно сообщил Борх. – А, ведь, и я мог сейчас оказаться на его месте. Если бы не избыточная гордыня и глупые пред-рассудки.... Ага, вот, и наша Эйри! Посмотри на небо, командор.... Видишь, маленькое свет-лое пятнышко зависло – прямо над «кипящим глазом»?

– Вижу.

– Это её Душа. Ждёт Душу своего возлюбленного...

Алекс – через окуляры мощной подзорной трубы – прекрасно видел, как старый чайхи, смахнув со щёк крупные слезинки, неторопливо извлёк из кожаных ножен, закреплённых на узком поясе, длинный и тусклый клинок. Короткий взмах, и худое тело Нора безвольно рас-пласталось на чёрных камнях горного склона. Ручейки алой крови, частично впитываемые жадной почвой, весело и беззаботно заструились вниз по склону, на встречу.... На встречу – с чем? С кем? Кто знает...

А ещё через секунду-другую Алекс увидел, как из тела мертвеца (может, просто пока-залось, привиделось?) вверх взметнулась смутная, едва различимая светло-зелёная полоса...

Он медленно перевёл взгляд в небо (на Небо?). Два бесконечно-светлых, неясных и призрачных пятнышка неуклонно сближались.... Вспышка! Яркая и короткая, как жизнь истинных героев....

– Вот она – Амфисбена, – зачарованно прошептала Айника. – Любовь между женщиной и женщиной, двухголовая змея.... Одна голова мужская, другая женская. Разрубай её – на мелкие части – сколько хочешь. А она всё равно срастётся, назло всяким уродам, ханжам и подлецам. Если, конечно, эта любовь – настоящая...

Заночевали они возле уже знакомого красно-белого валуна. Молча, поужинали, любу-ясь на философско-задумчивый, беззащитно-малиновый закат. А потом легли спать.

– Просыпайся, командор! – разбудил его звонкий девичий голос, говоривший на без-упречном испанском языке. – Срочно доставай Зеркала Борхеса! Смерть ходит рядом...

Татьяна, будучи натурой нервной и трепетной, отложила кипу бумажных листов в сто-рону и, смахнув с пушистых ресниц неожиданную слезинку, заявила:

– Очень хорошо написано! Особенно про Амфисбену – любовь между женщиной и женщиной, двухголовую змею.... Ты почему и для чего, увалень бессердечный, застыл соля-ным столбом? Быстро иди сюда и крепко поцелуй молодую жёнушку.... А теперь помоги мне расстегнуть платье. Впрочем, может, стоит попробовать прямо в нём? В одном умном глянце-вом журнале советуют – регулярно и планомерно вносить разнообразие в интимные отношения.... Если ткань изомнётся-порвётся? Ерунда, у меня ещё два цветастых платьица имеются в за-гашнике. Я девушка дальновидная и запасливая.... Стоп, страстный идальго! Платья-то остались в гостинице, вместе со всеми остальными вещичками.... Ладно, тогда не будем извращаться, потакая разнузданным эротическим фантазиям. То бишь, милый, рас-стегивай пуговицы. Причём, бережно и аккуратно, чтобы не оторвать...

Глава четвёртая

Череда сюрпризов и ворох неожиданностей

Утром Домингес отвёз их в торговый порт, к самому дальнему причалу, окружённому обшарпанными ангарами, старыми ржавыми контейнерами и давно некрашеными бараками.

На замызганный и старенький пароходик, носящий громкое и пафосное название «Рио-Гранде», дюжие носильщики, одетые в новенькие тёмно-синие комбинезоны, загружали деревянные ящики с краснобокими яблоками и жёлтыми грушами.

– Неужели в Аргентине нет собственных фруктов? – удивился Артём. – Не верится, однако.

– Есть, конечно же, – невозмутимо пожал плечами дон Диего. – Просто яблоки и груши – это единственное, что Уругвай может предложить на внешние рынки. Понятное дело, что по демпинговым ценам.... Есть и другое немаловажное обстоятельство. Не гонять же паровоз до Буэнос-Айреса порожняком? Согласитесь, что это крайне неэкономично и сопряжено с серьёзными финансовыми рисками...

– А что загрузят в трюмы этого кораблика в Аргентине?

– Всякие европейские и американские товары. Обувь, одежду, бытовую технику, сигареты, косметику, алкогольные напитки.... Дело в том, что население Уругвая находится на уровне четырёх миллионов человек. То есть, у нас нет крупных оптовых контор, приобретающих однотипный товар – у крупного производителя – судовыми партиями. Вот, и приходится закупаться модными импортными штучковинами в Буэнос-Айресе, у тамошних оптовых воротил.... Кстати, на «Рио-Гранде» имеется удобная и комфортабельная кают-компания. Так что, доплывём до аргентинской столицы, пересекая устье великой Ла-Платы, без каких-либо проблем за девять-десять часов. Если, конечно, не задует сильный встречный ветер....

– Мы поплывём, то есть, пойдём на этом неприглядном пароходике, не внушающем даже элементарного доверия? – ужаснулась Татьяна. – Но, ведь, все наши вещи отправлены на «Симон Боливар»! Как же так, милый дон Диего? А мои платья, шляпки, нижнее бельё, обувь, косметика? Ничего не понимаю!

– Не волнуйтесь вы так, прекрасная сеньора, – скупно улыбнулся Домингес. – Получите ваши баулы и чемоданы в Буэнос-Айресе – в целостности и сохранности. Если, конечно, кхакха...

– Договаривайте же, дон Диего! Договаривайте!

– Если, конечно, «Симона» не потопят по дороге.... Видите ли, Ганс Барракуда – очень целеустремлённый и упрямый малый, не любящий отступать на полпути. То бишь, отказываться от намеченных глобальных целей.... Да, вчера вечером мы его переиграли вчистую. Но это ещё ничего не значит. Ни-че-го! Наверняка, посыльный из отеля был перехвачен противником по дороге к пассажирскому порту. Следовательно, надо ожидать неких неадекватных и решительных акций – в отношении «Симона Боливара». Это азбука, мои легкомысленные друзья.

– Что этому фашистскому недобитку надо от нас? – возмутилась Таня. – Прицепился – как берёзовый банный лист к одному всем известному и выпуклому месту.

– Извините, милая сеньора, но последняя ваша фраза мне совершенно ни о чём не говорит, – криво усмехнулся Домингес. – Что же касается Барракуды.... Лично от вас ему, естественно, ничего не надо. А, вот, возможность реально насолить сеньоре Мартине Сервантес для Ганса является настоящим подарком судьбы. Очевидно, он, случайно встретив

вас в ресторане гостиницы «Монсеррат», тут же придумал некий подлый план – с далеко идущими намерениями...

«Ага, случайно! Как же! – мгновенно отреагировал недоверчивый внутренний голос. – Детские сказки нам – с утра пораньше – будут рассказывать! Наверняка, в Буэнос-Айресе произошла элементарная утечка информации...».

– И тогда Барракуда решил вас, господу Беловы, коварно похитить, – продолжил увлечённо излагать стройную версию дон Диего. – Интересуетесь, для чего? То бишь, с какой конкретно целью? Ну, мало ли... Например, чтобы потребовать у могущественной сеньоры Марты – за ваше освобождение – неких важных уступок в тайных и серьёзных делах... Естественно, что как только станет окончательно ясно, что похищение невозможно, Ганс тут же, без малейших раздумий и колебаний, отдаст подчинённым команду – стрелять на поражение. Или, например, потопить речной пароход – вместе со всеми пассажирами...

– А что находилось в конверте, предназначавшимся для капитана «Симона Боливара»? – спросил Артём.

– Во-первых, чек на крупную сумму. А, во-вторых, записка, извещавшая, что вы собираетесь взойти на борт «Симона» уже на акватории Ла-Платы, то есть, с борта маленького частного катера. Естественно, в строго оговорённом месте.

– Какая странная услуга! – удивилась Таня. – Наверное, шкипер был нешуточно поражён, получив такое послание.

– Ничуть не бывало! – широко улыбнулся Домингес. – Для Южной Америки это дело самое обычное. У нас же здесь всюду бушуют огненные страсти, процветают запутанные любовные треугольники, постоянно звучат пистолетные выстрелы, спровоцированные жгучей ревностью... Представьте себе банальнейшую ситуацию. Мужчина собрался – вместе с молоденькой любовницей, естественно – съездить (то есть, сплавать), в Буэнос-Айрес. Ну, чтобы развеяться немного, пошляться по казино и варьете, то, да сё... Но плыть на одном корабле любовникам опасно, хотя и очень хочется. Почему – опасно? Ведь, мужчину в порту, наверняка, будет провожать законная супруга, а у наших женщин взгляд намётанный – они подлую измену чувствуют за версту... Например, муж узрел любовницу, и его лицо незримо изменилось, положим, чуть дёрнулось на краткое мгновение. А жена всё сразу поняла, ну, и завертелся самый натуральный карнавал – со всеми вытекающими последствиями... Поэтому любовница, как правило, появляется на теплоходе несколько позже, пересяживаясь с частного катера. Обычное дело, честное слово... Кстати, сегодня, за полчаса до полудня, на борт «Симона Боливара» поднимутся мужчина и женщина – внешне слегка похожие на вас, господу Беловы, и облачённые в точно такие же одежды-наряды. Для того, понятное дело, чтобы окончательно и бесповоротно запутать коварного противника...

– Что-то вы темните, идалго! – подозрительно прищурилась Татьяна. – Всё это мне напоминает классическую мышеловку..., – оборвала фразу на полуслове и невинно улыбнулась.

– Простите, не понял, – насторожился Домингес. – Что вы имеете в виду, прекрасная сеньора?

– Ничего-ничего, кабальеро! Не обращайтесь, пожалуйста, внимания! Я просто оговорила, не более того...

«Молодец, Танюха! Растёт – прямо на глазах!», – одобрил сообразительный внутренний голос. – «Видимо, вовремя вспомнила золотое правило прожжённого «грушника», мол: – «Выполняя важное задание, никогда не обращай внимания на операции, проводимые смежными дружескими конторами. В противном случае, и свою миссию провалишь, да и хорошим парням помешаешь. Что, в свою очередь, чревато гневной начальственной головомойкой и понижением в звании...». А по поводу «мышеловки» наша Татьяна Сергеевна, скорее

всего, права. Характерные симптомы, как говорится, на лицо. Ещё всё это здорово напоминает ловлю хищной щуки на живца...».

Наконец, погрузка фруктов была успешно завершена, и Домингес, предварительно переговорив с высоким человеком в форменной тёмно-синей тужурке, приглашающе махнул рукой, мол: – «Добро пожаловать на борт судна!».

Кают-компания, действительно, оказалась очень уютной и вполне комфортабельной – удобные кожаные кресла, прямоугольный дубовый стол, мини-бар, три круглых иллюминатора по правому борту.

– Здесь мы и проведём большую часть нашего плавания, – известил дон Диего, хлебосольно распахивая створки мини-бара. – На верхней палубе вам пока – из соображений элементарной предосторожности – появляться не следует. По крайней мере, до определённого момента... Вот, рекомендую, господа Беловы, отличное сухое вино. К нему, кстати, полагается подавать жареные орешки кешью и горький шоколад «Ноэль». А это, – выставил на стол три запотевшие стеклянные бутылки, – знаменитое пиво «Кильмес-Кристалль», оно уже почти семьдесят пять лет подряд признаётся лучшим пивом Аргентины...

– Сеньор Домингес, вы вчера изволили утверждать, что все русские мужчины обожают драться на дуэлях, – напомнил Артём. – Что, собственно, имелось в виду?

– Ах, это! В далёком 1955-ом году, в аргентинском городе Мендоса – за несколько суток до ликвидации Мартина Бормана – состоялся один знаменитый и, не побоюсь этого громкого термина, легендарный поединок. Благородный сеньор Оскар Рамос – жених сеньориты Мартины Сервантес – вызвал на дуэль Тома Хэнкса, тогдашнего резидента ЦРУ¹⁴.... Спрашиваете, причём же здесь русские? Знающие люди клятвенно уверяют, что уважаемый дон Оскар Рамос – на самом деле – являлся советским разведчиком. Извините, но его настоящее имя мне неизвестно.... На чём, простите, я остановился? Ага, на дуэли.... При этом публичном и знаковом событии присутствовала вся аристократическая знать провинции Мендоса, включая самого господина Губернатора и его обворожительную супругу. Самое примечательное в этой истории, что в качестве дуэльного оружия противники выбрали классические испанские навахи...

– И кто победил в схватке? – заинтересовалась Таня.

– Конечно же, сеньор Оскар Рамос! Более того, он завершил этот поединок крайне эффектно, то есть, рубящим ударом по лицу противника. Лезвие навахи рассекло Тому Хэнксу переносицу. Вполне естественно, что разрубленные при этом глаза несчастного тут же и вытекли. Так что, хоронили бедного «цэрушника» уже с пустыми глазницами, стыдливо прикрытыми серебряными американскими долларами...

Примерно через час после того, как «Рио-Гранде», прогудев хрипло и надсадно, отошёл от причала, Домингес, стоявший у одного из иллюминаторов, поинтересовался:

– Не желаете ли полюбопытствовать, мои русско-еврейские друзья, на участников торжественной встречи? Минут через тридцать-сорок после нас, здесь должен проследовать пассажирский лайнер «Симон Боливар». А его, как раз, уже и поджидают...

«Четыре солидных катера насторожённо курсируют туда-сюда в полукилометровом отдалении», – дисциплинированно доложил зоркий внутренний голос. – «Это, без всякого сомнения, молодчики приснопамятного Ганса Барракуды. Дожидаются появления частной посуды, на которой мы должны прибыть на встречу с «Симоном Боливаром».... Интересно, а что они будут делать дальше? Неужели, действительно, попытаются захватить пассажирский теплоход? Или же по-простому, долго не раздумывая, пустят его ко дну? Странные дела творятся на этом свете, право слово...».

¹⁴ – Этому событию посвящена отдельная глава романа «Серебряный бумеранг».

– Наверное, на борту «Симона Боливара» располагается спецназ моей милой прабабушки? – невинным голосом спросила-предположила Татьяна.

– Вот, при скорой встрече и уточните у неё лично, – недовольно поморщился Домингес. – А ещё, наверняка, и завтрашние столичные газеты подробно сообщат о предстоящем инциденте.... Кстати, как вам – наша Ла-Плата, великая «Серебряная река»? Говорят, что она – в месте впадения в Атлантический океан – является самой широкой рекой в мире.

– Впечатляет! – искренне ответил Артём. – Мелкие волны, действительно, немного отливают серебром. А линия горизонта скрыта в плотном тумане, который постоянно меняет цвет. То он розово-алый, то сиренево-фиолетовый, то тёмно-лиловый.

– Красота неземная! – подтвердила Таня. – Жалко, что здесь нет холста, красок и кисточек. Я бы попробовала всё это – запечатлеть...

Когда до Буэнос-Айреса, то есть, до торгового терминала, оставалось минут десять-двенадцать хода, Домингес сообщил, что можно подняться на верхнюю палубу корабля.

«Рио-Гранде» – медленно и неуверенно, словно бы стесняясь своего затрапезного вида – подходил к причалу. Солнце уже вплотную приблизилось к далёкой линии горизонта, освещая порт, то есть, многочисленные океанские суда и гигантские башенные краны, нависавшие над бухтой. А с противоположной стороны хорошо просматривались длинные силуэты многочисленных небоскрёбов.

– Ну, как оно вам? – чуть дрогнувшим голосом поинтересовался Домингес.

– Впечатляет! – хором сообщили супруги Беловы.

«А, ведь, наш дон Диего – аргентинец!», – подумал Артём. – «Хотя и говорил про Уругвай, мол: – «У нас...». Хитрюга, одним словом!».

На причале их встречала одинокая женская фигурка в коротком чёрном плаще – невысокая, но на удивление стройная. Правда, метрах в тридцати-сорока от неизвестной женщины нетерпеливо переминались с ноги на ногу и три широкоплечих облома, облачённые в одинаковые светло-голубые костюмы.

– Мартина Сервантес, собственной персоной, – присмотревшись, шёпотом сообщила Таня на русском языке. – С телохранителями, ясный пень. Заметь, Тёма, никаких пограничников и таможенников поблизости не наблюдается. То бишь, нас встречают по высшему разряду, как важных и заслуженных персон.... Кстати, прабабушка покрасила волосы в радикально-чёрный цвет, а к нам в Питер прилетала шатенкой. Говорят, что в молодости она была светленькой, ну, прямо как я...

Донья Марта – внешне очень похожая на строгую пожилую директрису католической гимназии – звонко расцеловав правнучку в обе щёки, похвалила:

– Ты, милочка, выглядишь как самая настоящая латиноамериканка! – после чего манерно протянула Артёму узкую ладонь для рукопожатия и, пристально заглянув ему в глаза, поморщилась: – А тебя, молодой и симпатичный человек, я пока повременю целовать. Присмотрюсь для начала, мол, что, да как. В том плане, что определю, из какого теста ты слеплен. Хотя, Виталий и не наврал – ты, действительно, немного похож на Алена Делона.... Только я всё равно не понимаю – зачем надо было убивать безвинного шофёра? Теперь, голубки белокрылые, вам в Уругвае лучше не появляться. Потому как упекут обоих – на долгие-долгие годы – за тюремную решётку.

– Простите, сеньора, – оторопел Артём. – Но о каком убитом шофёре вы говорите? Я, собственно, в Монтевидео никого не убивал. Более того, даже и не пытался.

– Не смейся, красавчик! А тот деятель, который внезапно выскочил из-за автофургона? Ну, когда вы в срочном порядке покидали гостиницу «Монсеррат», а дон Диего дожидался вас в переулке?

– Я думал, что это – человек Барракуды. То есть, действовал сугубо по обстановке...

– Это дела не меняет! Ни на йоту! – тёмно-зелёные («Прямо, как и у нашей Татьяны Сергеевны!» – обрадовался легкомысленный внутренний голос), глаза доньи Мартины заледенели. – Мирный уругвайский дальнобойщик шёл куда-то по своим делам и нёс в руках обыкновенный разводной гаечный ключ. А пьяный израильский турист по имени Артём Белов – ни с того, ни с сего – два раза ударил означенного дальнобойщика ногой по лицу. От полученных травм бедняга скончался на месте...

– Не может быть! – Таня испуганно сложила ладони у лица. – Неужели, это правда?

– Так, по крайней мере, записано в протоколе уругвайской полиции. Естественно, что израильтяне Артём и Татьяна Беловы уже объявлены в розыск. Более того, рано или поздно уругвайцы узнают, что вы находитесь в Аргентине, и, естественно, направят запрос о выдаче.... Не беспокойтесь, милые мои родственники! Я вас, конечно же, прикрою. Как же иначе? Своих в беде не бросают. Просто прошу – впредь быть более осторожными и... э-э-э, аккуратными. Не стоит – без отдельного приказа – так активно лупцевать мирное население...

«Чёрт меня побери!», – не на шутку разозлился внутренний голос. – «Это же она говорит открытым текстом, мол: – «Милые голубки, вы у меня на крючке. Поэтому, извольте беспрекословно выполнять все приказы. А, вот, ссориться со мной – категорически не советую! Иначе, сами, наверное, понимаете, что будет. Ничего личного, родные, Служба...». Как же, проходили уже такие неприятные катавасии, причём, неоднократно.... Да, хватка у Таниной прабабушки ещё та. Волчья! Генерал-лейтенант Громов, смущённо и натянуто улыбаясь, скромно отдыхает в тенёчке...».

Сеньора Сервантес – тем временем – перешла к повседневным аргентинским реалиям:

– Итак, местная полиция вас не тронет, все нужные и однозначные распоряжения уже отданы. Для вас приготовлена неплохая двухкомнатная квартира-студия на улице Виамонте. Когда-то, очень много лет назад, и я прожила несколько месяцев в этой квартире. Впрочем, к сегодняшним делам это не имеет ни малейшего отношения.... Итак, улица Виамонте – очень респектабельное и удобное во всех отношениях место: тихий буржуазный район, приятная архитектура, много зелени, свежий воздух, совсем рядом находится станция метро «Кальяо». Ключи от квартиры получите на месте. В довесок к ним – пластиковые карты банков «Банко Насьональ» и «Фёрст Нэйшнл». Сейчас мой сотрудник, – небрежно указала на одного из типов в светло-голубом костюме, – отвезёт вас к месту проживания. То бишь, временной дислокации.... Туда же доставят и чемоданы с «Симона Боливара», правда, только завтрашним утром. Сегодня, ребятки, отдыхайте, а завтра – в десять тридцать утра – мы с вами встречаемся в баре «Милонга». Это такой кабачок на Пласа Италия, рядом с бронзовым памятником Гарибальди, в двух шагах от дома, где располагался офис интересующих нас злоумышленников.... Заодно, Танюша, познакомишься с моей юной внучкой Марией. Ты же, если я не ошибаюсь, видела её только на фотографиях? Я полагаю, что твой любопытный супруг интересуется – почему ты приходишься мне правнучкой, а Мария, которая младше на полтора года, внучкой? Дело в том, что мой младший сын Алехандро, – её голос чуть заметно дрогнул, – ныне покойный, женился очень поздно. Бывает.... Наверное, голубки сообразительные, хотите задать мне парочку каверзных и едких вопросов – относительно...м-м-м, недавних уругвайских событий?

– Лично у меня нет вопросов, – состроив скучающую гримасу, сообщила Татьяна.

– Да? Неожиданный поворот...

– Видите ли, милая прабабушка, за последние полгода муж успел познакомить меня с целым перечнем «золотых» правил – как армейских, так и шпионских, то бишь, рыцарей плаща и кинжала.... Так вот, одно из них гласит: – «Занимайся своим заданием и – без должного повода – не суй нос в чужие дела...». А должного повода я, честно говоря, пока не наблюдаю.

– Судя по всему, Танюша, правильный мужик тебе достался. Однозначно, правильный. Только у меня к тебе будет одна маленькая просьба.

– Я слушаю со всем вниманием.

– Не надо, ради всех Святых, величать меня прабабушкой! Особенно, при посторонних.... Да и бабушкой, пожалуй, не стоит. Стесняюсь я немного своего заслуженного возраста, никак не могу привыкнуть к нему.... Называй меня, если тебе, конечно, не трудно, например, тетушкой. И к тебе, Ален Делон российского разлива, это относится.... Ну, голубки, пошли к машинам?

Двухкомнатная квартира-студия оказалось уютной, рациональной и обставленной с истинным вкусом.

– По площади и общей геометрии она очень напоминает нашу купчинскую «двушку», – заявила Татьяна. – Только, вот.... Не знаю, как и сказать.... Короче говоря, деревенские лохи мы с тобой, Тёма! Когда вернёмся в Питер, я непременно, не откладывая дело в долгий ящик, устрою в квартире капитальный ремонт. А всю мебель, включая кухонную, безжалостно выброшу на ближайшую помойку.... Смотри, самый настоящий камин! А рядом с ним – большая корзина с колотыми дровами.... Зачем?

– Затем, что в старых кварталах Буэнос-Айресе нет парового отопления. Зачем оно, собственно, если температура окружающего воздуха никогда – даже зимой – не опускается ниже плюс восьми градусов по Цельсию? В некоторых новых домах, правда, имеются автономные котельные. В том плане, что у богатых – свои причуды и понятия о комфорте. Мол: – «Стало жарко и душно? Ерунда, включим кондиционеры. Чай, не пообедем...».

– Тогда разожги камин, – попросила Таня. – Прохладно здесь слегка. Смотри, весь подоконник завален светло-лимонными листьями, опавшими с платанов.... И, пожалуйста, милый, не переживай по поводу этого мёртвого шофёра! Неприятно, конечно, только ничего уже не исправишь. А действовал ты абсолютно правильно, в полном соответствии со сложившейся обстановкой, соблюдая все профильные инструкции. Опять же, там темно было.... Кстати, как тебе..., тетушка Марта?

– Знаешь, она немного похожа на тебя, – ответил Артём, аккуратно закладывая дрова в топку. – Вернее, ты на неё. Особенно ваши фамильные тёмно-зелёные глаза – один в один.... Кстати, индейских корней, в смысле, крови, в её внешности не наблюдается.

– А у кого – наблюдается?

– У твоей прапрабабушки, легендарной и неповторимой доньи Марии, которая была изображена на портрете в уругвайской гостинице...

– Какой глупый! – весело рассмеялась жена. – Настоящее имя-фамилия моей прапрабабушки – Мария Крестовская. Она, чтобы ты знал, является потомственной русской дворянкой. Но среди её предков числятся и грузинские князья, и барышни из знатных калмыцких семей.... А ты, бестолочь питерская, толкуешь про какую-то индейскую кровь!

– Шпионы, шпионы, кругом – одни шпионы, – чуть смущённо пропел Артём, щёлкая зажигалкой. – Ага, разгорается! В нашем камине – отличная тяга.... Алмазная донна, не в службу, а по большой любви, включи, пожалуйста, телевизор.

По центральному каналу передавали свежие новости.

– Подлое пиратское нападение на мирный аргентинский корабль! – надрывался молодой черноволосый диктор. – Молодчики Ганса Шлиппенберга, более известного нам по прозвищу «Барракуда», сегодня – в обеденное время – атаковали теплоход «Симон Боливар», перевозивший на тот момент более ста восьмидесяти пассажиров.... Напоминаю, что уже на протяжении семи с половиной лет Буэнос-Айрес упорно добивался у Монтевидео выдачи означенного Шлиппенберга – за совершение им целого букета кровавых преступлений. Но уругвайские власти неизменно отвечали отказом, ссылаясь на недостаточное количество

полновесных улик и доказательств... Но сегодня, уважаемые сограждане, справедливость, наконец-таки, восторжествовала! Оказывается, наши доблестные спецслужбы заранее – по секретным каналам – получили достоверную информацию о готовящемся нападении на мирное пассажирское судно. Поэтому на борту «Симона Боливара» были заранее размещены хорошо вооружённые и обученные спецназовцы... В конечном итоге, подлая атака была отбита, пять пиратов, включая самого Ганса Барракуду, захвачены в плен, остальные уничтожены... Правящая партия – в свете предстоящих парламентских выборов – получила на руки очередную козырную карту. Интересно, а как на эти события отреагирует оппозиция? Да, зловредный и жестокий Ганс Барракуда был пойман и сейчас находится в городской тюрьме. Но – при проведении этой жёсткой операции – жизни и здоровье ста восьмидесяти пассажиров «Симона Боливара», безусловно, находились под угрозой...

Приглушив у телевизора звук, Татьяна спросила:

– Как ты думаешь, Тёма, это была такая своевременная и эффективная реакция на сложившуюся ситуацию? Или же – тщательно-спланированная операция?

– Естественно, второй вариант, – меланхолично усмехнулся Артём. – Ведь, «Симон Боливар» – с аргентинским спецназом на борту – прибыл в порт Монтевидео ещё до нашего прилёта. Следовательно, данная операция готовилась заранее, причём, тщательно и вдумчиво. Надо отдать должное твоей...тётушке. Профессионалка высочайшего уровня! Есть, честное слово, чему поучиться... Меня же сейчас волнует совсем другое...

– Что именно?

– Вдруг, нас вызвали в Аргентину – только ради захвата Ганса Барракуды? То бишь, в качестве вождя живца? А вся эта мутная история про загадки местного метрополитена – лишь – отвлекающий манёвр? Точнее, формальный повод для нашего прибытия? Естественно, что – при таком раскладе – и утечка информации произошла преднамеренно... В нетленках великого Александра Бушкова о таких вариантах упоминалось ни один раз. Взять, хотя бы, его знаменитый роман – «Возвращение пираньи»...

– Что же мы теперь будем делать? – спросила Таня. – Может, позвоним дядюшке Виталику?

– Нет, амазонка, никому мы не будем звонить. А поступим, подражая «бушковским» героям. То есть, будем старательно и отважно, не жалея сил и собственной крови, выполнять полученное задание. Вплоть до отдельной отмашки со стороны высокого начальства... Ладно, споры и дискуссии на сегодня закончены, ложимся спать. Иди-ка, любимая супруга, в душ, а я пригляжу за камином...

Проснулся он от того, что внезапно ожил чёрно-белый ящик радио, висящий на стене – напротив их кровати. Сперва раздалась размеренная сухая щелчка, а через некоторое время мужской глубокий голос торжественно произнёс:

– Сейчас восемь часов двадцать пять минут. Время, когда великая Эвита Перрон стала бессмертной...

– Удивительное дело, – пробормотала Татьяна сонным голосом. – Если мне не изменяет память, то Эвита Перрон умерла ужасно давно. Кажется, в 1952-ом году, за три года до свержения диктатора Перрона. А жители Буэнос-Айреса до сих пор боготворят её... Да, судя по всему, Аргентина – кардинально и значимо – отличается от России. У нас героев прошлых лет принято забывать. Или же – старательно и целенаправленно – обмазывать свиным дерьмом. Практически всех, за редкими исключениями... Впрочем, и исключительным персонам – рано или поздно – достанется по полной программе. Методика такая хитрая и навороченная: перевозносим – потом хаем, расстрел – реабилитация, памятник – снос, бизнес на светлой памяти – новые, случайно всплывшие факты. Шоу, короче говоря. Мать его...

Глава пятая

Бар «Милонга», местный метрополитен и рыжая бестия

В «Милонге» (самом обыкновенном – по внешнему оформлению – баре), было прохладно и – по утреннему времени – почти безлюдно.

– Ола!¹⁵ Вам, уважаемые сеньор и сеньора, направо, вон в ту дверь, – приветствовал их метрдотель с глазами «фээсбэшного» подполковника. – Постучитесь, глядишь, и откроют.

Следуя совету странного метрдотеля, Артём подошёл к узкой чёрной двери и три раза стукнул костяшками правого кулака по матовой поверхности.

«Смотри-ка ты, дверь-то бронированная!», – восхитился наблюдательный внутренний голос. – «Знать, и бар этот – совсем непростой. Что-то вроде рабочей точки (опорного пункта, оперативного штаба?), местных спецслужб...».

– Заметил, Тёма, как выглядит памятник великому Гарибальди? – тихонько прыснув, смешливо спросила Таня. – Описаться можно...

– Ну, зеленоватый слегка. То есть, щедро и заслуженно покрытый благородной патиной.

– Не в этом дело! Просто в Буэнос-Айресе, как ты, наверное, заметил, много голубей. А опавшие с деревьев листья очень охотно пристают (приклеиваются?), к свежему... Ну, сам знаешь, к чему. Поэтому и Гарибальди, то есть, его бронзовый памятник, покрыт – такое впечатление – густой буро-лимонной шерстью... Согласен со мной?

Ничего ответить Артём не успел. Дверь – совершенно бесшумно – отворилась, и вчерашний облом в светло-голубом костюме, коротко кивнув черноволосой головой, пригласил:

– Ола! Следуйте за мной, сеньор и сеньора! Дверь? Не беспокойтесь, она закроется сама...

По узкому и очень длинному коридору они проследовали в просторный, почти квадратный зал.

«Натуральный андалузский стиль!», – поделился ощущениями начитанный внутренний голос. – «Шершавый тёмно-коричневый керамический пол, узорчатая кованная каминная решётка, такие же потолочные балки, стены украшены тёмно-синими мозаичными орнаментами, на чёрных дубовых тумбочках расставлены высокие бело-голубые вазы, массивный стол с палисандровой столешницей, кожаные кресла и диваны, стулья с гнутыми резными спинками...».

За столом – с палисандровой столешницей – расположилась странная троица: донья Мартина, облачённая в скромное серо-серебристое платье, сеньор Домингес, одетый в мятый костюм среднестатистического клерка, и молоденькая рыжая девчушка в белоснежном брючном костюме.

«Почти в таком же брючный костюмчике, братец, наша Татьяна Сергеевна вступала в законный брак. С тобой – ясный перец...», – высказался памятный внутренний голос. – «Сама девица? Безусловно, в ней чувствуется порода! В данном случае – порода благородных Сервантесов, которые, оказывается, имеют могучие российские, грузинские и калмыцкие корни... Но, вот, этот вздёрнутый вверх носик, нервные губы, острые скулы и задорные тёмно-синие глаза. Бесспорно, она страшная гордочка и идейная сумасбродка, способная на самые неожиданные и экстравагантные поступки. Укротить такую строптивую и непредсказуемую барышню – дано далеко не каждому кабальеро...».

¹⁵ – Ола! (исп.) – Привет! Здравствуйте!

Донья Марта, скупно улыбнувшись, объявила:

– Не будем тратить время на традиционные утренние вежливости. Как говорится – время не ждёт. . . . Первым делом, рекомендую вам мою любимую внучку – сеньориту Марию Сервантес. Девицу симпатичную и разумную, впрочем – на мой взгляд – избыточно гордую и своевольную. Надеюсь, что это пройдет – с течением времени. . . . Это вы ещё меня не знали – в данном нежном и трепетном возрасте. Все женские особи семейства Сервантесов – до первой настоящей любви – являются настоящими фуриями и истинными сумасбродками. . . . Что это ты так многозначительно и гордо усмехаетесь, господин – якобы – Ален Делон? Тебе достался улучшенный и эксклюзивный вариант? Как же, как же, господин Громов не преминул похвастаться. . . . Впрочем, это ни о чём ещё и не говорит. В том смысле, что легкомысленные фамильные наклонности (в плане – повышенного интереса к мужскому полу), у твоей супруги могут проснуться-проявиться и в более зрелом возрасте. . . . Шучу я, шучу! Не надо так угрожающе сверкать глазами и каменные желваки перекачивать по скулам. Обычный армейский юмор, не более того. . . . Облегчённо вздохнул? Наш человек! Давайте-ка, девочки, знакомьтесь, обнимайтесь – как и полагается по аргентинским, да и по русским правилам-понятиям. Близкие родственницы, как-никак, да и похожи друг на дружку – осязаемо. Только одна – светленькая, а другая – рыжая. . . .

«Действительно, похожи», – согласился внутренний голос и тут же сделал далеко идущие выводы: – «Бедный Лёха Никоненко, российский Казанова! Что ему предстоит пережить в самом ближайшем будущем – и представить страшно. В том смысле, что насквозь незабываемые и неповторимые ощущения-переживания его, бедолагу, ждут. Причём, ощущения и переживания – жалости не ведающие. . . .»

Татьяна и Мария, обнявшись по-родственному, обменялись несколькими взаимными поцелуями в щёки и тут же принялись о чём-то оживлённо шептаться.

– Э-э, – притворно нахмурилась сеньора Мартина. – Прекращайте разводить нежные дамские антимонии! Успеете ещё. . . . Рассаживайтесь по своим местам! Ты, Татьяна – рядом с законным мужем. А ты, Мария, рядом со мной. . . . Но не с Диего же, в конце-то концов! Он сердцеед и бабник известный, тут же начнёт потную ладошку похотливо пристраивать на трепетном девичьем колене. . . . Гы-гы-гы!

– Скажете тоже, донья Мартина, – потерянно забормотал смущённый Домингес. – Какие ещё девичьи колени? У меня восемь детей, семь из которых – дочери. Причём, все ребятки рождены одной женщиной. То бишь, моей обожаемой супругой. Имеются и два внука, буквально на днях должен родиться третий. . . .

– Остановись, Диего! – попросила донья Марта. – Ты, очень похоже, совсем не дружишь с тонким армейским юмором. . . . Дело привычное. Да, уж. . . . Вот, за что я люблю российского генерала Громова – так это за правильное понимание специфичных шуток. Нормальный такой генерал – лихой, старой закалки-закваски. Ладно, продолжаем нашу модную пьесу. . . . Представляю вам, – бросила чуть насмешливый взгляд на Артёма и Таню, – ваших коллег по предстоящим подземным мероприятиям. Дон Диего Домингес – с сегодняшнего утра – назначен полномочным комендантом всего метрополитена Буэнос-Айреса. А сеньорита Мария Сервантес, как легко догадаться, является моим личным и полномочным представителем, то есть, представительницей. Вопросы?

– Озвучьте, пожалуйста, наши – с супругой – должности и полномочия, – вежливо попросил Артём.

– Без проблем, голуби мои. Без проблем. . . . Только – сугубо для начала разговора – я проясню суть проблемы, стоящей перед нами всеми. . . . Понимаете, Аргентина – это Аргентина. То бишь, страна отличная от всех других стран. . . . С одной стороны – приверженность традициям и старинным устоям, с другой же – беспредельное свободолюбие и стремление к истинной справедливости, не обременённой лицемерными условностями. . . . Чёрт, пони-

маю, что говорю совершенно ни то... Короче говоря, это – необъяснимо... Вот, конкретный пример. Уже начиная с третьей четверти двадцатого века, Буэнос-Айрес считался крупнейшим городом Южной Америки. Но светофоры в нём установили гораздо позже, чем в столицах других государств нашего континента. Причина? Сугубо в аргентинском нестандартном менталитете. Тут логика простейшая: – «Чтобы мне, свободному кабальеро, всякие дурацкие огоньки указывали, когда ехать, а когда стоять? Не бывать такого! Ущемление гражданских прав, к оружию, братья и сёстры! Свобода – превыше всего!»... Вот, так и живём. Светофоры, конечно же, установили – года через три с половиной после свержения диктатора Перрона – но легче от этого, поверьте, не стало. Народный менталитет-то остался прежним. Вот, и в нашем конкретном случае – не так всё и просто....

– Дорогая тётушка, вы не крутите – вокруг, да около, – попросила Таня, заговорщицки перемигнувшись с Марией. – Говорите прямо и чётко. Ничего не скрывая. Мол, от нас требуется – то и то...

Сеньора Сервантес, недовольно поморщившись, подытожила:

– Младший лейтенант – самое противное и бестолковое армейское звание на этом свете! Во всех воинских поражениях, как, впрочем, и в провалах конгениальных секретных операций, виноваты – именно – младшие лейтенанты. Правильно я говорю, подполковник Белов? Вот-вот, кивай головой, кивай. Ничего, всё ещё поправимо.... Ладно, перехожу к глубинной сути всего проекта. Он, кстати, называется кратко и ёмко – «Старинный цемент».... Смотрю, никакого впечатления на вас это название-наименование не произвело? Что же, узнаю авторский почерк Виталия Павловича. Умеет он, затейник неординарный, кадры готовить-подбирать, ничего не скажешь. Старая школа, так её растак.... Итак, о деле. Подземный ход, обнаруженный в доме номер восемь на Пласа Италия, ведёт в подсобные помещения так называемого «старого» метро. Как вы знаете, в 1955-ом году в Аргентине был отстранён от власти диктатор Хуан Перрон. Тот ещё был субчик. Говорят, что в его родословной и агуары – красные степные волки – присутствовали. Впрочем, дело совсем и не в этом.... Достоверно известно, что у генерала Перрона под землёй – при метрополитене Буэнос-Айреса – был оборудован целый подземный город непонятного назначения. Ходили даже упорные слухи, что там располагалось хранилище страшного химического оружия (может, ядерного?), вывезенного нацистами в 1944-45-ых годах из фашистской Германии.... Как бы там ни было, но ребята, пришедшие в 1955-ом году к власти, сочли за благо – все двери и ворота, ведущие в тайные катакомбы Перрона, для начала заварить, а после и надёжно замуровать цементным раствором. Более того, со временем вышел и соответствующий закон, запрещающий гражданам и гражданкам Аргентины – под страхом сурового уголовного преследования – проникать на означенные территории.

– Законы, они для того и пишутся, чтобы потом их усердно нарушать и отменять, – хмуро заявил Артём.

– Верно подмечено! – тепло улыбнулась пожилая женщина, называть которую «старушкой» язык не поворачивался. – Но только – не перед выборами.... Не забывайте, голубки, что вы находитесь в Аргентине! Представляете, какую козырную карту может получить наглая и отвязанная оппозиция? Мол: – «Ничего святого нет для правящей партии! Отменять закон, которому уже больше шестидесяти лет? Это же – натуральное святотатство! Ату, их, ату!».... Более того, можно всё повернуть ещё более изощрённым образом. Я, по крайней мере, так бы и поступила. Мол: – «Они осознают, что поражение на выборах – неминуемо! Поэтому и полезли в тайные катакомбы генерала Перрона, чтобы найти там спрятанное когда-то страшное химическое (бактериологическое?), оружие нацистов. То бишь, хотят нас всех отравить! К оружию, граждане и гражданки! Защитим наши семьи! В смысле, голосуйте – за правильную политическую партию....».... Понятно излагаю? Именно по этому важному поводу – это я про предстоящие выборы – мы и обратились к вашей спецслужбе

«АнтиМетро». Наша Президентша (не без моих подсказок, ясная пампа!), посчитала, что так будет наиболее эффективно и надёжно. А ваш (наш, российский?), Президент с ней любезно согласился... Надеюсь, что определённая ясность внесена? Молодцы, ничего не скажешь! Что же, переходим ко второй части классического марлезонского балета... Сейчас сеньорита Мари прочтёт вам маленькую вводную лекцию о метрополитене Буэнос-Айреса. Я, конечно, понимаю, что вы, господа Беловы, старательно готовились к этой поездке. Наверняка, знаете наизусть схему местного метро. Опять же, всеильный Интернет... Но, всё же. Послушайте. Лишняя информация никому и никогда не помешает...

Рыжий – симпатичный и задорный – аналог Татьяны, поднявшись с места, приступил к изложению. Причём, девушка начала своё выступление с неожиданного вопроса:

– Интересно, а в России ещё есть путные мужички, хотя бы немного похожие на сеньора Белова? Мне, честно говоря, совершенно не хочется портить отношения с моей племянницей...

– Мария! – прикрикнула сеньора Мартина. – Прекращай свои дурацкие шуточки!

– Найдутся, – хладнокровно заверил Артём. – Вот, скоро из Сантьяго прибудет майор Никоненко...

– Какое странное имя – «Никоненко».

– Это такая русская фамилия. А зовут данного симпатичного и отважного кавалера – Алексеем, Лёхой.

– Алексом, если выразаться по-местному, – дополнила Таня.

– Алексом? – широко улыбнулась рыжеволосая красотка. – Мне, определённо, нравится это имя... Бабушка, пожалуйста, не надо так смотреть! Дыру прожжёшь в моей бело-снежной модной блузке. Как же я – с огромной и дымящейся дырой – предстану перед загадочным ухажёром из не менее загадочной России? Хотя, может быть, так будет и пикантнее... Ладно, начинаю повествование о метрополитене Буэнос-Айреса. Открытие нашего метро состоялось первого декабря 1913-го года. Тогда заработали сразу девять станций линии «А», соединившей торговый порт с наземной электричкой. Спустя ровно пять месяцев после открытия первых станций, первого апреля 1914-го года, открылись ещё три станции линии «А», продлившие её на запад. А первого июля того же года линия была продлена на юго-запад ещё на две станции. Причём, некоторые станции дублировали наземную железную дорогу, но с более частыми остановками. Почти, как в Париже, там между станциями – в среднестатистическом исчислении – насчитывается порядка пятисот девяноста метров, а у нас – где-то шестьсот семьдесят... Замечу, что с тех самых пор линия «А» практически не претерпела существенных изменений, сейчас её общая протяжённость не превышает семи километров. Новые станции в Буэнос-Айресе открывались уже на других линиях, и случилось это спустя шестнадцать лет, а именно, семнадцатого октября 1930-го года. Тогда были запущены в эксплуатацию сразу девять станций пускового участка линии «В». Эта линия связывает порт (морской и речной), с ещё одной конечной станцией железной дороги, только уже другого направления. В отличие от линии «А», линию «В» строили не из порта на окраину, а наоборот... Двадцать второго июля 1931-го года линия была продлена в сторону порта ещё на две станции, а в начале декабря – ещё на две. То есть, дошла непосредственно до порта... Но пересадочных станций – по извечному головотяпству проектировщиков – не было предусмотрено. Поэтому власти решили построить линию «С», которая охватывает гигантской дугой стратегически важный – для всей страны в целом – порт. Причём, линия «С» связывает между собой и две конечные железнодорожные станции, что придаёт ей особую важность и значимость. Кроме того, через узловые станции можно пересест с линии «А» на линию «В», и наоборот. Запутанная такая картинка получается, но, извините, другой-то и нет... Если обобщать – в глобальном смысле, ясная пампа (или, к примеру, сельва), то линия «С» играет в нашем Буэнос-Айресе роль Кольцевой линии в вашей благословен-

ной Москве. Плюсом – морской порт и две стратегически-важные железнодорожные станции.... Да, предки умели планировать и проектировать! Умом можно тронуться.... В том числе, это касается и вспомогательных подземных помещений. В первую очередь – складских. Особенно генерал Перрон поусердствовал на этом архитектурном поприще. Впрочем, продолжаю.... Девятого ноября 1934-го года на линии «С» открылся пусковой участок из шести станций, позволивший связать линии «А» и «В» метрополитена в единую транспортную систему. А шестого февраля 1936-го года линия была дотянута на севере до очередного железнодорожного терминала. Попутно с этим, началось и строительство линии «Д», ведущей, как легко догадаться, опять же к морскому порту. Третьего июня 1937-го года начал функционировать участок из трёх новых станций, но – при этом – две центральные станции имели пересадки на все линии – «А», «В» и «С». Следующие восемь станций были открыты двадцать третьего февраля 1940-го года, сделав линию «Д» уже полноценной и ключевой линией. После этого метростроители взялись за строительство очередного радиуса – линии «Е». Строить её начали не от порта и не от окраины, а с середины. Очередная аргентинская мультка.... В декабре 1944-го года линия была продлена в сторону окраины. Все остальные станции метрополитена Буэнос-Айреса строились уже после свержения Хуана Перрона. Поэтому, они нас совершенно не интересуют.

– А какие столичные станции для нас... наиболее перспективны? – спросила Татьяна.

– Те, которые – так, или иначе – связаны с именами Хуана Перрона и его обожаемой жены Эвиты. «Калья», «Боедо», «Генерал Сан-Мартин». Хотя, и такие станции как «Плаца де Майо» и «Плаца Италия» вызывают определённый интерес. Видите ли, вблизи всех этих станций ночные рабочие метрополитена неоднократно видели немецкую овчарку. Некоторые даже уверяют, что пару раз собаку сопровождала молоденькая девушка в тёмно-синем плаще...

Зазвонил – мелодией Михаила Круга «Владимирский централ» – мобильный телефон. Сеньора Мартина – неуловимым и элегантно движением – достала из кармана серебристо-серого платья крохотную чёрную трубку и, нажав на нужную кнопку, известила:

– Здесь Изумруд! Слушаю вас, – через десять-двенадцать секунд, вернув мобильник в карман, велела Марии: – Сходи, разберись. У входа в «Милонгу» вертятся два весьма подозрительных типа. Только, прошу, обойтись без излишней жёсткости.

– Как скажете, милая, э-э-э, тётушка, – томно улыбнулась Мария, грациозно поднимаясь со стула. – Все сделаем – в лучшем и эксклюзивном виде, не сомневайтесь...

Проводив внучку строгим и праведным взглядом, донья Марта загадочно вздохнула:

– Шалопайка! Как и я – в далёкие молодые годы. Ладно, как говорят у вас в России: – «Перемелется, мука будет...». Лишь бы, не мука.... А что это, милые родственнички, вы так жадно и синхронно слглатываете слюну? Не успели позавтракать?

– Ведь, «Милонга» – бар, – логично пояснила Таня. – Мы и подумали, что поедем здесь. Я, вообще, обожаю итальянскую кухню...

– «Милонга» – бар? – не наигранно удивилась сеньора Мартина. – Полноте, мальчики и девочки.... Начиная со славного 1954-го года, «Милонга» является самым натуральным шпионским гнездом, где плетутся самые изощрённые заговоры и запутанные интриги. Скажу вам по большому секрету, что именно здесь и был свёрстан – на живую нитку, понятное дело – план по свержению гадкого Хуана Перрона.... Правильно я говорю, Домингес?

– Всё верно, миледи, – покорно кивнул головой комендант местного метрополитена. – Хотя я – на тот момент – ещё и не родился. Так получилось, извините. Впрочем, вам виднее.... А ещё говорят, что именно в нашей «Милонге» славные кабальерос – Алекс Сервантес и Оскар Рамос – разработали знаменитый план по ликвидации Мартина Бормана.

– Да, примерно так всё и было. Примерно – так.... Я в этот момент, правда, находилась в Парагвае. Вернее, в тамошних топких болотах, на маленьком острове, в окружении пару

тысяч голодных серых кайманов. Те ещё страхолюдные образины. Б-р-р-р! До сих пор мороз идёт по коже, как вспомню.... Ладно, проехали. Значит, проголодались, голубь и голубка? Домингес, распорядись, чтобы молодым людям предложили кофе и бутерброды!

– А, можно, и пару бутылочек «Кильмес-Кристалль»? – спросил-попросил Артём. – Замечательное, на мой вкус, пиво....

– Нельзя! – невежливо отрезала донья Мартина. – Благовоспитанные аргентинцы с утра пива не употребляют.... Ох, уж, эти русские! Пиво – с утра пораньше! Откровенный кошмар и сплошная некультурность.... Впрочем, мой покойный муж тоже любил пиво, причём, в любое время суток и без всяких ограничений. Это был его единственный недостаток.... Домингес! Пусть и пиво принесут – на всю честную компанию. В смысле, один ящик...

Минут через десять-двенадцать вернулась рыжеволосая Мария и искренне удивилась:

– Надо же, и одиннадцати часов ещё нет, а они уже пиво пьют! Прямо, как вшивые американцы! Тетушка, а вы куда смотрите? Впрочем, Домингес – многодетный папаша и дедушка – открой-ка и мне бутылочку. А сушёные криветки есть? Вяленые щупальца кальмаров? Давайте!

– Что там с нашими подозрительными личностями? – лениво поинтересовалась сеньора Марта, ловко очищая от чешуи пиранью холодного копчения.

– Спеленали, понятное дело, – мило улыбнулась Мари. – Беззаботно отдыхают и ждут допроса. В том плане, что когда придут в себя, – бросила на стол две квадратные фотографии. – Один из них – вполне даже и ничего, симпатичный и разговорчивый. Клинья ко мне бил с усердием и глазки строил. До тех пор, пока не вырубился, понятное дело, получив удар по соответствующей болевой точке...

– Вот этот, с густыми пшеничными усами? – неуверенно улыбнувшись, уточнила Таня.

– Ага, он самый! – подтвердила Мари, весело и беззаботно тряхнув рыжими кудряшками. – Красавчик писанный!

– Это он и есть, майор российского ГРУ Алексей Никоненко, – невозмутимо сообщил Артём. – Как говорится, знакомство состоялось, а роман обещал быть бурным...

Глава шестая

Первые шаги по катакомбам Перрона

Мари глубокомысленно хмыкнула и, поставив полупустую пивную бутылку на столешницу, непринуждённо сообщила – с лёгким раскаянием в голосе:

– Пойду, распорядюсь, чтобы, э-э-э, с наших русских коллег сняли наручники, а их самих доставили сюда. Пусть тоже пивка глотнут с дорожки, типа – поправят пошатнувшееся здоровье...

Минут через пять-шесть в помещении появился чуть смущённый Хантер, одетый как обыкновенный беззаботный турист, только с широкой полосой пластыря на лбу.

– Здрасьте всем, – смущённо пробормотал Хантер, виновато отводя глаза в сторону. – Вот, получилось так. Виноват, конечно...

– Изволь, белобрысый, доложить по всей форме! – грозно рыкнула сеньора Мартина («Ну, вылитый Виталий Павлович Громов! – восхитился внутренний голос). – Совсем распустились, мать вашу! Не служаки, а тухлятина штатская! Отправлю – с ближайшей okazji – на чилийскую границу. Снег неправильного цвета сметать с вечных ледников.... Ну?

– Младший лейтенант Евгений Кузнецов, прибыл к новому месту службы! – незамедлительно вытянулся в струнку Хантер. – Никаких происшествий в дороге не отмечено! Проблемы со здоровьем отсутствуют!

– Говоришь, происшествий не отмечено? Откуда же тогда взялся пластырь на твоём мужественном лбу?

– Это уже здесь произошло. Обычная случайность. Несчастный случай, так сказать.... Сеньорита Мари нечаянно, без всякого злого умысла, подставила подножку, вот, я и навернулся. Виноват, исправлюсь! Больше такого не повторится!

– Верю, молодец! А где же сама – виновница происшествия, умеющая так ловко ставить подножки?

– Так, это.... Общается с майором Никоненко. Типа – обмениваются боевым опытом....

– Домингес! – нахмурилась донья Марта. – Приведи-ка сюда данную сладкую парочку. Знаю я этот обмен опытом. До самого вечера, небось, будут болтать, если не остановить вовремя...

Когда международная команда собралась в полном составе, сеньора Мартина велела:

– Всё, пивной завтрак закончен! Убираем в пластиковые пакеты мусор и пустые бутылки, раскладываем на столешнице «метрошные» планы и чертежи, после чего приступаем к их вдумчивому изучению. Сегодняшней ночью вам, дорогие соратники, предстоит совершить первую вылазку под землю.... Майор Никоненко!

– Я! – дисциплинированно откликнулся Лёха, осторожно трогая подушечками пальцев шикарный свежий фингал под левым глазом.

– Извольте отойти в сторонку от моей молоденькой и доверчивой племянницы! Дальше! Ещё – дальше!

Через полтора часа было решено, что ночью команда разделится на две мобильные группы.

– Супруги Беловы и сеньор Диего Домингес займутся станцией «Калья», а оставшая гвардия проследует на станцию «Генерал Сан-Мартин», – на правах руководительницы всего проекта подытожила сеньора Сервантес. – Вскрывают намеченные двери и внимательно осматривайтесь, фотографируйте там всё, заслуживающее маломальского внимания. Необходимое снаряжение, включая огнестрельное оружие и гранаты, вам приготовят. Сейчас же я вам настоятельно рекомендую – немного прогуляться по городу. Вернее,

прокатиться по метрополитену Буэнос-Айреса. Присмотреться, понюхать воздух, как говорится.... Потом пообедайте и разбредайтесь по квартирам-явкам. Задание – хорошенько и однозначно выспаться. В двадцать три ноль-ноль встречаемся здесь, оперативно совещаемся и выступаем на объекты.... Вопросы?

– А что ещё – кроме романа «Зеркала Борхеса» – было обнаружено в сейфе неизвестных злодеев? – спросила Татьяна.

– Договора, счета, банковские документы, досье на богатых людей, проживающих в разных странах мира.... Да, спасибо, что напомнила! Там ещё были и фотографии клиентов, в том числе, и пропавших без вести. Домингес вам выдаст по комплекту, изучите внимательно на досуге. Вдруг, уже сегодня ночью встретитесь с потерянками? Чем только чёрт не шутит.... А ещё мы обнаружили в сейфе коробочку, в которой находились три странные белых таблетки.

– В чём заключается эта таблеточная странность? – машинально уточнил Никоненко, с любопытством поглядывая на рыжую Марию, которая – с деловым видом – заинтересованно изучала старинный план, украшенный грифом «Совершенно секретно!».

«Никак не может поверить, что эта рыжеволосая красотка в белоснежном брючном костюме – визуально хрупкая и незащищенная – организовала ему конкретный синяк под глазом», – мысленно предположил Артём. – «Да, наша весёлая «грушная» жизнь полна странных неожиданностей и весёлых сюрпризов...».

Сеньора Мартина задумалась, словно бы решая для себя, стоит ли быть в данном случае максимально-откровенной, но, всё же, секунд через пять-шесть ответила:

– Мы так и не смогли однозначно определить химический состав этих таблеток. Основа – высушенные и мелко измельчённые тибетские травы. Но чем они связаны между собой? Неизвестно. Наши учёные мужи до сих пор находятся в некотором замешательстве.

– Могу рекомендовать одного гениального доктора, успешно работавшего с разными хитрыми таблетками, – криво усмехнулся Артём. – Правда, я не уверен, что он до сих пор жив и здоров. В том смысле, что, скорее всего, данный гений находится в российской тюрьме, если, конечно же, не расстрелян.... Позвоните Виталию Павловичу, узнайте. Фамилия этого талантливого врача-химика – Глебов.

– Спасибо, запомню и обязательно воспользуюсь твоим советом, – скупой поблагодарила сеньора Марта. – Ну, голуби сизокрылые, вставайте на крыло! То есть, погружайтесь под аргентинскую землю. Вечером встретимся...

Аргентинское метро особого впечатление на российских путешественников не произвело.

– Как и ожидалось, здесь всё насквозь рационально и простенько, – поделился первыми впечатлениями Артём, когда через два часа они выбрались на земную поверхность. – Никакого тебе высокохудожественного мрамора и прочих навороченных дизайнерских излишек. Даже новомодным «хайтеком» не пахнет. Всё скромненько и непрезентабельно, сплошные рекламные щиты. Вентиляция же местных станций, кстати, тоже находится не на высшем уровне. Душно очень.

– Душновато, – согласилась с мужем Татьяна. – И с названиями станций аргентинцы тоже не стали заморачиваться. Сплошной учебник школьной географии – «Рио-де-Жанейро», «Лима», «Перу», «Уругвай», «Флорида». Причём, поезда на линиях ходят разные. На «С» и «Е» – новенькие, разноцветные, веселенькие, а на «А» и «В» – старенькие и обшарпанные. И пахнет там по-разному...

– Как это – по-разному?

– Так это! На «С» и «Е» – французской карамелью и алжирской ванилью, а на старых линиях – плесенью и тревогой.

– А где остальные бойцы? – Артём принялся обеспокоенно оглядываться по сторонам. – Мы, что же, обедаем по отдельности?

– Получается, что так. Хантер, эстет вшивый, отправился – в пешем порядке – осматривать архитектурные достопримечательности Буэнос-Айреса. А Мари и Никоненко поймали такси и поехали в спортивный зал – на совместную тренировку по карате-до.... Тёма, смотри, каталонский ресторанчик! Зайдём? А то эти вечные сосиски в тесте уже слегка надоели. А бы жареной рыбки попробовала. Понятное дело, что с паэльей и красным вином...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.